

"Знакомые кота Егора"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Николай Наволочкин
Знакомые кота Егора

Происшествие на опушке леса

— Не бойся, это моя знакомая корова, — сказал пожилой бурундук. — Хочешь, я пробегу у нее под ногами, и она мне ничего не сделает?

— И я! — пискнул маленький бурундучок. — Ух, какой я ловкий!

Конечно, бурундучку было страшновато. Под ногами у огромной коровы он еще ни разу не пробегал. Но, как известно, все бурундуки очень лихие ребята.

— А она тебя ка-ак поддаст рогом, — каркнула ворона. — Только из тебя перышки полетят!

Ворона была немножко глуповата и думала, что у бурундуков тоже, как и у нее, растут перья.

— А-а, была не была! — воскликнул пожилой бурундук и, скатившись с пенька, прошмыгнул между ног у коровы.

За ним, задрвав свечкой пушистый хвостик, пронесся маленький бурундучок.

— Ох, вы набегаются. Ох, набегаются! — сердито переступила с ноги на ногу ворона и нахохлилась.

Она сидела на суку старого дуба, рядом со своим гнездом, и собиралась полететь в поселок, поискать осколочек зеркальца, а заодно подразнить там молодого пса Черныша. Этот пес постоянно лаял, когда она пролетала над двором, где он жил. Наверное, пес думал, что летит не ворона, а коршун. И вороне это нравилось. «А что, — думала она, — может, я и, правда, похожу на коршуна!» Поэтому ворона и хотела найти кусочек зеркальца и рассмотреть в него, как она на самом деле выглядит.

Корова не обращала внимания на разговор бурундуков с вороной. Она как раз в это время нюхала цветы. Беленькие такие цветочки ландыша. Потому что ландыши цветут недолго. И если не успеешь понюхать их сегодня, завтра, смотришь, они уже завяли.

— Ну вот и не поддала рогом, не поддала! — похвалился, очень довольный собой, бурундучок.

— А ну вас, — обиделась ворона, — а если бы боднула, тогда что? Да и некогда мне тут с вами тары-бары разводить. Покеда!

Ворона неуклюже замахала растрепанными крыльями и полетела в поселок — подразнить Черныша, попугать петуха Петю и поискать кусочек зеркала.

А во дворе, где жил молодой пес Черныш, сегодня был небольшой переполох...

Бабушка белила избу, и дед вытащил на улицу стол, кровать, табуретки, валенки, сломанное двустольное ружье, разные другие вещи и старое зеркало. Все обитатели двора всполошились. Петух Петя понял, что тут хочешь или не хочешь, а надо подать голос, и закукарекал! Выросшие Пеструшкины цыплята, молоденькие курочки, заметались по двору. Воробей увидел все это из своего скворечника и улетел от греха подальше. И правильно сделал, потому что в скором времени случилось такое... в общем, случилась большая неприятность.

Пока же во дворе все были встревожены. Даже бывалый охотничий пес Люкс выбрался из

своей конуры, подошел к сломанному двуствольному ружью и начал его обнюхивать. Он знал это ружье еще с тех давних времен, когда сам был молодой и красивый и они с дедом хаживали на охоту, и ружье это стреляло.

Из всех обитателей двора только молодой пес Черныш, равнодушный ко всему, лежал на крылечке. Лежал он, прикрыв один глаз лапой, а вторым поглядывал на зеркало и думал грустную думу. И никто во дворе не знал, кроме петуха Пети, почему сегодня Черныш такой печальный.

А дело было вот в чем: сидел Черныш возле конуры, никому не мешал, и вдруг подлетела муха, ни с того ни с сего укусила его за ухо и улетела. Видевший все это петух Петя подскочил, хотел ее схватить, но промахнулся. И хотя ухо, которое укусила муха, уже давно не болело, все равно псу было обидно.

И надо же было случиться, что как раз в это время ко двору подлетела старая ворона. За дорогу от лесной опушки до поселка она устала и запыхалась. Но увидев знакомый двор, оживилась. «Вот сейчас подлечу да как спикирую! — решила она. — То-то начнется представление!»

И тут Черныш увидел ворону в зеркале. Псу показалось, что нахальная птица летит прямо на него. Черныш, не раздумывая, прыгнул прямо с крыльца на зеркало!

Зеркало, приставленное к табуретке, свалилось, и, конечно, расколосось на маленькие и большие куски.

Все, кто был поблизости, сразу разбежались. Куры — за поленницу и на летнюю кухню. Петух Петя, пригнув к самой земле голову, умчался в курятник. Виновник происшествия пес Черныш забился в конуру, а Люкс — под крылечко.

Когда выбежала из дому бабушка, а за ней вышел дед, во дворе уже никого не было, только за поленницей да на летней кухне кудахтали куры.

— Ах, разбойницы! Ну, разбойницы! — всплескивала руками бабушка. — Чтоб вас дождичком намочило!

Она думала, что зеркало разбили куры.

— Ну ладно, — утешал бабушку дед, — новое купим. Он собрал осколки в ведро, вынес их за огород и высыпал там в яму.

Старая ворона сидела в это время на березе и отдыхала от всего пережитого.

Как только дед ушел, она подхватила осколочек зеркала и полетела на опушку леса к себе в гнездо.

Летела ворона над поселком, над огородами, махала крыльями, которые от старости поскрипывали, а самой все время хотелось где-нибудь остановиться, чтобы взглянуть на себя в зеркальце. «Нет, пожалуй, я и правда похожу на коршуна!» — радовалась она.

Над Луковой поляной ворона не удержалась, села на старую иву. Хорошенько осмотрелась — нет ли поблизости других ворон или сорок. Все они любят блестящие стеклышки. Увидят, какую драгоценность несет она, — налетят, разорутся, да еще и отберут...

К счастью, кроме веселого жаворонка никого поблизости не было. Ворона положила на сучок осколок зеркала и увидела в нем свой черный клюв.

— Пр-ривет! — сказала ворона своему клюву.

Она долго то одним глазом, то другим рассматривала клюв и наконец решила, что клюв у нее грозный и даже свирепый, точно такой, как у коршуна. А раз похож клюв, значит, похожа и голова. А если похожа голова — похож и хвост. А коли так, то и вся она — вылитый коршун! Был бы осколочек зеркала побольше — это сразу можно было бы увидеть. Нет, не зря поднялся переполох во дворе у пса Черныша, когда она пролетала.

Еще раз полюбовавшись своим клювом, ворона подхватила зеркальце и, уже не останавливаясь, добралась до своего гнезда.

А гнездо у нее было на том самом дубе, в дупле которого жил пожилой бурундук. В этом гнезде у вороны хранилось немало прекрасных вещей. Лежали там очень красивая копейка, блестящий крючок от Андрюшкиной удочки, осколок зеленого стакана, который нечаянно разбил петух Петя, и беленькая пуговица. Ко всем этим богатствам теперь добавился осколочек зеркала!

Если это добро увидят другие вороны — быть беде. Все потихоньку растащут. Чтобы такое не случилось, свои драгоценности ворона запрятала в щелки между прутьями, да еще присыпала сверху сухой травой. Запрятала она и зеркальце и только после этого выглянула из гнезда.

На опушке все было спокойно. Бурундуки носились по стволу дуба — играли в пятнашки. Корова паслась...

И вдруг под ближними осинками кто-то затопал, затрещал кустарник. Метнулась оттуда какая-то птица, и на опушку выскочил... В общем, сразу даже не поймешь, кто выскочил, потому что он перекувыркнулся через голову и стал шевелить ушами. Бурундуки тут же юркнули: пожилой — в дупло, молоденький — под корень дуба.

Ворона тоже хотела припустить куда подальше, да вовремя разглядела, что этот, который выскочил, — самый обыкновенный заяц.

А заяц перед этим долго мчался по лесу. Куда и к кому он бежал, заяц и сам не знал. Он уже порядком устал, но все равно скакал из последних сил и сам себя уговаривал: «Надо, Тишка, надо!»

Может быть, вы думаете, что Тишка убегал от волка? Ничего подобного. Волков в этих местах давным-давно не было. Последний волк был на опушке в одна тысяча каком-то году, когда Андрюшкина бабушка была еще совсем маленькой.

А мчался со всех ног заяц потому, что ему просто необходимо было кого-нибудь встретить, и этому кому-нибудь все, все рассказать.

Тишка, как и положено зайцу, боялся. Хотя волков, как вы уже знаете, поблизости, да и по дальности, не водилось, но зато в лес забегал когда-то по охотничьим делам пес Люкс. И хотя зайцы между собой поговаривали, что Люкс уже стар и даже на луга не бегаёт, но кто его знает... Не всякому слуху верь.

И заяц бежал. Бежал и приговаривал: «Надо, Тишка, надо!»

И вдруг он увидел, что выскочил на опушку. Здесь лес заканчивался. Дальше зеленел луг. За ним Луковая поляна. А там уж и поселок с охотничьими собаками, мальчишками и бодучими козами.

Все! Дальше пути Тишке не было.

С разбегу, пытаясь остановиться, заяц даже перекувыркнулся и сел, шевеля ушами, прислушиваясь и осматриваясь. Вообще-то зайцы видят не так уж хорошо. Главное для них — чуткие уши. И тут прямо в его чуткие уши откуда-то сверху кто-то сердитый как скажет:

— Здр-р-расте!

Заяц Тишка чуть было не кинулся обратно в лес, да совладал с собой, только подпрыгнул от неожиданности и взглянул туда, откуда раздался голос. Над ним, на суку старого дуба, сидела взъерошенная ворона и вертела черной головой, разглядывая Тишку.

Заяц перевел дух и тоже поздоровался. И сразу заговорил, залопотал:

— Там, — сообщил он. — За лесом, где вкусная заячья капуста. В кустарнике у Круглого озера... — И добавил: — Вот!..

— Молодец! — неизвестно за что похвалила его ворона. — А теперь повтори все сначала.

— Что, и здороваться? — не понял Тишка.

— Валяй! — разрешила ворона. — Только не торопись.

— Здравствуйте! — уже спокойнее сказал Тишка. Но дальше говорить спокойно он не мог и опять зачастил: — Там, за лесом, где вкусная заячья капуста... В кустарнике у Круглого озера...

— Ну, положим, заячья капуста не такая уж и вкусная, — не удержалась, чтобы не поспорить, ворона. — Но дело не в этом... Ты лучше объясни нам: мне, ребятам-бурундукам, корове, наконец, объясни, что там в кустарнике у Круглого озера?

— А он! — воскликнул Тишка.

Сказал это заяц и подумал: «Какой же я молодец! Не зря бежал через лес. И в какое время бежал — днем, когда другие зайцы дремлют себе спокойно где-нибудь под кустами. Бежал, хотя и было страшно, и добежал. Хотел рассказать кому-нибудь — и рассказал. Узнают другие зайцы, скажут: «Ну ты даешь, Тишка!»

Ворона от такого ответа взъерошила перья, покрутила недовольно клювом и, когда успокоилась, заявила:

— От поселка до речки и даже чуть подальше все знают, что у меня несносный характер. Да я и сама это знаю. Однако, заяц, я с моим характером терплю твою болтовню. Все жду, а вдруг ты что-нибудь путное скажешь. А ты... Нет, я больше не могу... — И ворона перелетела на другую ветку.

Пожилой бурундук, разобравшись, что на опушке ничего страшного не произошло, выбрался из дупла и сейчас сидел на пеньке. Он решил, что настал его черед, и обратился к Тишке:

— Слушай, приятель, а кто он этот Он?

— Я как его увидел, — обрадовался заяц, — так сразу решил: «Беги, Тишка, и кому-нибудь все-все расскажи. Надо!»

Услышав это, молоденький бурундучок хихикнул из-под корня дуба и тоже заскочил на пенек.

Возмущенная ворона похлопала себя по бокам крыльями, хотела сердито каркнуть, но сдержалась.

Знакомая корова стояла к ним всем спиной — и к зайцу, и к бурундукам, к разговорам не прислушивалась, щипала травку и думала, что как только ее тень станет длинной и смешной — наступит вечер и она отправится домой в поселок. По пути она, конечно, помычит что-нибудь своему приятелю Люксу. Пес, как всегда, спросит: как тут на лугах, хорошо ли? Она ответит, но останавливаться сегодня не будет, потому что дома, в загородке, ее ожидает теленок. Ее собственный веселый, ласковый, ну просто золотой теленок.

Она взглянула на свою тень. Тень уже начала удлиняться. Значит, приближался вечер, и скоро можно будет отправляться домой. Но корова опять вспомнила теленочка. Представила, как он будет радостно прыгать вокруг нее, мычать и тереться лбом о ее бок, и не выдержала. Отщипнув напоследок пучок зеленой травы, корова поспешила домой.

А под дубом пожилой бурундук все еще допрашивал зайца Тишку.

— Ну, хорошо, — говорил он. — Вот ты к нам прибежал, а кого же ты все-таки там увидел?

— Где там? — удивился заяц.

Тишке казалось, что он и так уже все подробно растолковал и ему пора возвращаться на поляну у озера, а то кто-нибудь прискачет и пощиплет всю заячью капустку.

— Ну, за лесом, у озера, — подсказал пожилой бурундук.

— Увидел его, — стал объяснять Тишка, — длинноногого, большого, а еще совсем маленького. Он, наверно, потерялся, потому что он там без мамы. Вот!

— Ко-шмар! — каркнула ворона. — Носятся тут всякие, только других с толку сбивают. Марш отсюда, а то я тебе сейчас задам!

Заяц прыгнул в кусты и оттуда крикнул:

— Эх вы! Там помогать надо, а они! — и припустил в чащу леса.

— Смешной какой, — подал голос молоденький бурундучок, — говорит: «большой, а еще совсем маленький». Разве так бывает, дед, чтобы сразу был и большой, и маленький? — спросил он у пожилого бурундука.

— Кто его знает, — важно ответил пожилой бурундук. — На свете всякое бывает...

— Верно, — поддержала его ворона. — На свете и не такое бывает. Вот вы, конечно, думаете, что я ворона? Так?

— Так! — пискнул и за себя, и за деда бурундучок. Ворона важно почистила свой клюв о кору дуба, потом склонила голову набок так, чтобы лучше видеть, какое впечатление произведут ее слова на бурундуков, и сообщила: — А я вовсе и не ворона, а коршун! Кар-р-р!

Бурундуков будто кто веником смел с пенька. Ворона даже не успела заметить, куда они подевались. После этого, довольная собой, она забралась в гнездо, собираясь отдохнуть после всего пережитого за день, да призадумалась. «Нет, не зря бежал этот бестолковый заяц через лес, — решила она. — Что-то важное он хотел сообщить».

Думала, думала ворона, себя поругала за то, что прогнала зайца. И решила: «Полечу-ка я к Круглому озеру, посмотрю, кто там такой — длинноногий, большой, а совсем маленький».

Ворона выбралась на край гнезда. Потрясла одним крылом, расправила другое. Сказала неизвестно кому: «Эх, старость — не радость!» И полетела.

Уж она-то, конечно, сейчас узнает, что там случилось-приключилось.

Тревожный вечер

Ах, какое выдалось в тот день хорошее утро. Солнышко взошло ясное и доброе.

Воробей еще сладко спал, когда кто-то зацекотал его перышки: «Вставай, лежебока...»

Воробей открыл глаза и увидел, как в щелку скворечника заглядывает солнышко, щекочет его теплыми лучами и улыбается. Воробей встряхнулся и выглянул во двор. Пес Люкс уже выбрался из своей конуры, сидел на задних лапах и сладко зевал. Черныш с озабоченным видом ходил возле летней кухни и принюхивался: почуял, что бабушка варит что-то вкусное.

Сегодня Черныш был веселый, а вчера бродил с опущенным хвостом и обвисшими ушами. И все во дворе говорили друг другу: «Пожалуйста, не трогайте Черныша, не волнуйте. Его какая-то муха укусила». «Да, да, — подтверждал петух Петя. — Я сам ее видел и чуть не клюнул!» Петя то и дело подходил к молодому псу и напоминал: «Ты мне, Черныш, покажи, какая тебя муха укусила. Я ее тут же поймаю. Поймаю и съем!»

«Ко-ко-кой у нас Петя! Ко-ко-кой смелый!» — квохтали по углам куры. Но это было вчера. Вчера вообще день выдался неудачный: прилетала ворона, разбилось зеркало, к тому же муха укусила Черныша...

А солнышко уже немного поднялось над зелеными лугами, и вспыхнули на стебельках, засверкали, заискрились капельки росы.

Дядька пастух, который как раз вывел за поселок совхозных коров, сказал козлу Козлу:

— Эх и трава! Сам бы жевал, да коровам надо!

Козел Козел тряхнул бородкой и ответил на это одним словом:

— Ме-еэ!

Но пастух его понял и успокоил:

— И тебе. Ты у нас тоже рогатый скот.

Слова его очень понравились козлу. Да и пастух ему нравился.

Правда, еще прошлым летом, когда козла Козла приняли в стадо, он побаивался кнута, который носил с собой пастух. Но потом убедился, что пастух никого этим кнутом не лупит, а только щелкает им для порядка. С тех пор он всегда ходил рядом с пастухом, и тот называл его

при всех своим помощником. И когда коза Марта напомнила, что она работает у соседки молочницей, козел скромно, но со значением ответил: «А я подпаском!..»

Поднялось солнышко над поселком и сыпануло сквозь листву черемухи во двор знакомой коровы целую стаю солнечных зайчиков. Они забегали и по земле, и по крылечку, и по ведрам на завалинке, и по спине теленочка знакомой коровы.

Корова смотрела, как ее теленочек пытается их слизнуть с шелковистой шерстки, и радовалась. Сегодня ее хозяйка Петровна впервые решила отпустить корову на луга вместе с теленочком. Пусть пощиплет сочную луговую травку. Пусть поносится на свободе.

— Ты уж, моя коровушка, моя ведерница, глаз с него не спускай, — приговаривала Петровна, открывая калитку, — Он ведь еще несмышлениш. Смотри, чтобы не забежал куда...

— На луга? — спросил как всегда пес Люкс, когда они проходили мимо.

— На луга, сосед, — отозвалась корова.

— И сынка с собой взяла? Гляди, какой он у тебя стал. Прямо не по дням, а по часам растет.

— Он у меня молодец, — отозвалась очень довольная словами Люкса корова. — А ты когда заглянешь на луга, Люкс? Очень уж там хорошо сейчас.

— Да вот, отлежусь немного, что-то у меня ноги побаливают, и прибегу, — пообещал пес.

Чуть подальше корова увидела, как навстречу, по середине улицы, во весь мах несется коза Марта, а вслед ей со всех дворов отчаянно лают и тявкают собаки.

Событие это повторялось каждое утро. Коза Марта услышала где-то, что вместо зарядки по утрам хорошо бегать. Бег придает бодрость и даже возвращает молодость. Но как только она принималась трусить по улице, за ней сразу увязывались все собаки. Первой выскакивала Пустобрешка. Следом с лаем бросались другие. Даже Черныш, хотя он и знал, что Марта делает физзарядку, не мог удержаться и бросался, повизгивая от восторга, за козой-спортсменкой.

Пока Марта добегала до конца улицы, собаки поднимали такой лай, что бедная коза не знала, как ей теперь вернуться домой. Она пережидала где-нибудь в бурьяне, пока собаки успокоятся, а потом, крадучись, пробиралась до своего двора и пряталась в сараюшке, которую она называла дачей. И, конечно, никакой пользы от такой зарядки не было. Во всяком случае, никто не замечал, чтобы Марта молодеда.

Теперь Марта действовала по-другому. Сначала она не спеша проходила в конец улицы. И это собак не тревожило. Кому интересно лаять на козу, которая бредет себе не торопясь. Разве какой несмышлениш щенок тявкнет из подворотни. Но такого щенка уважающие себя псы никогда не поддерживали.

Дойдя до конца улицы, спортсменка взбрыкивала задними копытами, бодала рогами воздух и во всю прыть припускала по дороге. Ошарашенные собаки сначала и рта не могли раскрыть от такой наглости. Потом они, конечно, поднимали запоздалый лай, даже выскакивали из дворов, но Марта уже подбегала к своей ограде, перемахивала через нее и оказывалась в безопасности.

Вот и сейчас она пронеслась, не успев мекнуть, мимо знакомой коровы и ее теленочка.

Так, совсем неплохо начался этот день...

Перед самым обедом Черныш, совершенно случайно, приклепнул хвостом какую-то надоедливую муху. Все решили, что это именно она вчера его укусила, и стали радоваться. Теперь не надо было гадать, какая муха испортила настроение молодому псу. Но дорадоваться им не дал петух. Он прибежал из сада и рассказал, как только что поймал и расправился с той самой мухой, которая укусила Черныша. Весть была приятная, но непонятная. Все знали, что Черныша укусила одна муха, а теперь получалось, что кусали две!

Петя сразу расстроился. Он ожидал, что все начнут его хвалить, а тут, оказывается, Черныш сам приклепнул какую-то муху. Обидно, конечно, и петух стал наседать на пса:

— Ты не стесняйся, Черныш, признайся. Ну, ошибся ты. Ну, не разобрал, сколько было мух. Тебя кусали две, а показалось, что всего одна. Что же тут такого. С кем не бывает!..

— Ко-конечно, ко-конечно, — поддержали Петю молодые куры.

— Ве-верно, — мекнула из дверей своей сараюшки Марта. — Я вот тоже недавно дала два стакана молока. А хозяйке показалось, что полтора. И я не стесняюсь, признаюсь: да, я дала два стакана. И тебя, Черныш, кусали две мухи, не могли же тебя кусать полторы!

— Полторы, полторы, — стали повторять бестолковые куры. Черныш вертел лохматой головой, слушал то одного, то другого, вконец запутался и сказал:

— Да, ребята. Виноват я. Не рассмотрел. Меня и правда укусили полторы мухи...

Куры, коза Марта, Черныш и особенно петух Петя хотели было опять обрадоваться, однако из тени за конурой высунулся мудрый пес Люкс и заявил:

— Нет, друзья, все-таки две. Что-то я ни разу не видел, чтобы летали полторы мухи.

Вот тут-то все окончательно обрадовались, потому что на самом деле никто из них не видел, чтобы летали полторы мухи.

Из кухни донесся звон кастрюлек и чашек. Это бабушка готовила обед и курицам, и деду, и псам, и Андрюшке, и воробью.

Так что и середина дня прошла вполне благополучно.

После обеда как-то сам собой зашел разговор о коте Егоре: как он там в городе живет и что поделывает... Об этом у каждого имелось свое мнение.

— Охотится, — заявил Черныш, — мышей и хорьков гоняет.

— Позвольте, — возразила Марта. — В городе, как я считаю, мыши и хорьки не водятся.

— Как это не водятся? А в огородах!

— В огородах? — переспросила Марта. — А есть там огороды?

На это Черныш уверенно заявил, что если они в поселке есть, то в городе и подавно. Только в поселке маленькие огороды, а город большой — значит, и огороды там большие.

Марта помолчала, подумала, что бы возразить Чернышу, но потом решила: «Раз там огороды

большие, значит, и салат должен бо-ольшой расти». Это ее успокоило, и спорить она не стала.

— А может, Егор там в школу ходит, как Галя с Андрюшкой, — высказал свое мнение воробей.

— Ну, в школу, я думаю, ему ходить ни к чему, — опять вмешалась Марта. — Он ведь и так образованный.

— Я не понимаю тебя, Марта! — разгорячился петух Петя. — Андрюшка у нас вон какой грамотный. Ему даже очки выдавали! А он все равно в школу ходит. И Люкс с ним бегал. А Люкс у нас — голова!

— И я в школе был! — обрадовался Черныш. — В Андрюшкиной парте сидел. И ничего — глупей не стал.

— А вдруг он нам по телефону звонил, — высказал свое мнение Петя. — А у нас же нет телефона. Вот мы и не слышим.

От такого предположения приятели загрустили, и тогда Люкс в раздумье сказал, что вряд ли кот звонил, а вот что письма он сюда пишет, это точно.

Марта, конечно, возразила, что она, мол, ни разу не слышала, чтобы Чернышу или кому-нибудь еще приходили письма от Егора.

— Все письма из города дед получает, — вздохнул Люкс. — Там, конечно, и наши были. А дед их и почитывает. Ему ведь тоже интересно, как там поживает кот Егор.

— Верно! — всполошился петух Петя. — Я сам видел, как дед сидел на крылечке и читал письмо. А потом он позвал бабушку, чтобы шла послушать.

— Ну и что же дед прочитал? — заинтересовался Черныш.

— А ничего не прочитал. Бабушка ему сказала: «Иди сюда, на кухню. Здесь и прочитай. Я сейчас картошку чищу». Да если бы я знал, что это письмо от Егора, я бы следом за дедом припустил. На кухню мне можно.

— Побывать бы в городе надо. Я бы сбегал, да ноги у меня теперь не те, — вздохнул Люкс.

Марта обвела всех глазами, мекнула, чтобы приятели поняли, что она хочет сказать что-то значительное, и когда и псы, и петух заинтересовались, напомнила, что прошлой осенью козел Козел в город собирался. Пусть бы он и сходил, сдержал свое слово.

— Некогда ему сейчас, он же подпаском работает, — справедливо заметил пес Люкс и добавил: — А дело это ответственное — от стада никуда.

— Никак нельзя, — подтвердил и Черныш. — Мы вот с Люксом ночью дом сторожим. Так разве куда-нибудь сбегашь? И не мечтай! Другой раз так охота, что просто беда. Бывает, залает где-нибудь собака. Интересно же посмотреть, на кого она там разошлась. Но не побежишь. Полаешь, чтобы ее поддержать, — и все...

Задумались приятели, замолчали. Всем, конечно, интересно было узнать, как там поживает их друг — городской житель кот Егор. Но никто ничего придумать не мог. И тут воробей, который доклеывал после кур закатившиеся в разные щелки зерна, неожиданно даже для себя принял важное решение. Он подскочил от восторга и тут же взлетел на поленницу.

— Ребята! — чирикнул он оттуда. — Чи-чи-во тут раздумывать. Я сегодня же отправлюсь в город и повидаяю Егора!

Заявление воробья всех просто ошеломило. Коза Марта уставилась на него своими выпуклыми глазами и даже мекнуть не могла от изумления. Молодые куры, ничего не поняв, кинулись бежать. Черныш стал задумчиво чесать задней лапой за ухом. Петух взмахнул крыльями, заложил их за спину и начал расхаживать по двору. После того как первое замешательство прошло, все посмотрели на Люкса, ожидая, что он на это скажет.

Люкс, понимая, что без его совета не обойдется, задумался, даже глаза прикрыл. И когда уже всем показалось, что пес уснул, когда Черныш хотел гавкнуть у Люкса под ухом, чтобы разбудить его, пес, наконец, сказал:

— Долетишь ли? Не заблудишься?

Воробей и сам уже начал немного сомневаться. Дорога-то неблизкая. Мало ли что может по пути случиться. Но слова Люкса раззадорили его.

— А, чи-чиво там! — воскликнул он. — Од-нова живем! И чтобы не передумать, тут же добавил:

— Ну, я полетел. До свидания, ребята!

— Да ты погоди, погоди, — остановил его Люкс. — Вечер скоро. Что же ты на ночь глядя полетишь? Слышал, как наша бабка говорила: «Утро вечера мудренее». Вот поутру и отправляйся.

Петух Петя не любил темноты. По ночам у него начиналась куриная слепота. Он тоже напомнил воробью, что по пути его застанет ночь, надо будет искать ночлег, а где его в темноте найдешь?..

В общем, отговорили воробья. И он пораньше улегся спать в своем скворечнике, чтобы завтра чуть свет отправиться в путь.

Тут и вечер подошел. Замычали, сначала по переулку, а потом на соседней улице, коровы. Значит, скоро должен прибежать козел Козел. Он по вечерам, проводив стадо, заглядывал хоть ненадолго к своим друзьям.

Став подпаском, беспризорный когда-то козел Козел, конечно, остепенился. Но появлялся он перед двором приятелей не обязательно с улицы. Мог козел неожиданно выскочить из бабушкиного огорода, или, перемахнув Мартин забор, громко мекнуть всей честной компании: «Здрасте!»

На этот раз козел выскочил из огорода на другой стороне улицы.

— Ты откуда это? — удивилась Марта, когда козел подбежал.

— С чучелом бодался! — радостно сообщил козел Козел. — Надоело оно мне, понимаешь. С прошлого лета еще надоело. Стоит там, воробьев пугает. Я думаю — испугает нашего воробья, опять, бедный, заикаться начнет. А где он сейчас?

Всем, понятно, хотелось рассказать козлу Козлу интересную новость. Куры захохотали, что спит воробей, спит... Марта объяснила, куда воробей собрался. Петух Петя добавил, что решил он кота Егора проведать. Еле-еле козел Козел разобрался в чем дело. А когда понял, даже

вздыхнул:

— Я же сам хотел в город сбегать. Да некогда...

И он принялся объяснять, сколько у него забот на пастбище. То какая-нибудь корова размечтается, про все забудет и к болоту, в самую трясиину направится. Только отгонишь ее, чтобы там не завязла, глядишь, две другие коровы бодаться начали.

— А я и сам бодаться люблю. Ох и люблю! — затряс рогами козел. — Ну, налечу, бодну какую-нибудь в бок, а сам бежать. Да и за дядькой пастухом смотри да смотри.

— Что, тоже бодаться любит? — спросил петух Петя.

— Не-е. Не бодучий он. За ним поглядывать надо, чтобы весь хлеб не съел. У него в котомке хлеб лежит. Как только он ту котомку развязывать начнет — я к нему. Подбегу — он и мне кусок отрежет, да еще солью посыплет. А не успею я вовремя, он ведь весь хлеб сам умнет.

Марта тут же похвасталась, что и ей хозяйка по утрам кусочек хлеба с солью выносит.

— Ты там на лугах знакомую корову с теленочком сегодня не встречал? — спросил у козла Люкс. — Пора бы им уже прийти...

— Нет, не встречал, — ответил козел. — Я сегодня даже на опушку бегал, где она всегда жару пережидает. Стадо спать улеглось. Дядька пастух тоже вздремнул. Ну, я и припустил туда, хотел знакомую корову проведать. Всю опушку обежал, а ее нет.

Это была первая тревожная весть о знакомой корове и ее теленочке.

Тут и солнышко повисло над самой землей. Тени со двора вышли. Самая длинная тень от скворечника легла на дорогу. Поближе тень с крышей и трубой — от дома. А тень от поленицы, на которую как раз заскочил петух Петя, на тротуаре оказалась. Давно пора знакомой корове вернуться, а ее нет.

Бабушка из двора вышла на скамеечке посидеть. Смотрит — Петровна идет.

— Галя-то ваша дома? — спросила она у бабушки. Бабушка разулыбалась и ответила, что Галя уехала в лагерь.

— А я хотела ее с собой позвать, — огорчилась Петровна. — Коровушка моя что-то с пастбища не вернулась. С теленочком она ушла, вот я и беспокоюсь.

И заспешила Петровна к переулку. Это была вторая тревожная весть про знакомую корову.

— Придется мне сегодня на скотный двор через забор перепрыгивать, — сказал козел Козел и вздохнул.

— Чего так? — поинтересовался Люкс. — Еще успеешь. Ворота там пока не закрыли.

— Успел бы, если бы сейчас пошел. Да как же идти! Надо на Луковую поляну сбегать — корову с теленочком посмотреть.

— Сбегай, — поддержал Люкс. — Посмотри, не случилось ли чего...

Только убежал козел Козел, сразу и солнце закатилось. Петя тут же принялся загонять кур в

курятник.

— Ско-ко-корей! Ско-ко-корей! — приговаривал он.

— Куд-куда? Куд-куда? — делали вид, что не понимают, куры.

— В ку-курятник! В ку-курятник! — командовал Петя. Время шло, но ни козел Козел, ни Петровна, ни корова с теленочком не появлялись.

Куры покудахтали, повозились и утихомирились.

Люкс, Черныш и коза Марта, не сговариваясь, вышли за ограду и улеглись там, чтобы видеть всех, кто покажется из переулка.

Когда уже ожидать стало не вмоготу, пес Черныш соскочил и объявил, что он тоже пробежится до Луковой поляны и посмотрит.

Но как раз в это время из переулка выскочил козел Козел и рысью направился к приятелям.

— Не-е, не видать, — еще издали мекнул он.

— Плохо, ребята, ох плохо. Видно, случилось что-то... — произнес Люкс. — У тебя, Черныш, нюх хороший. Бери-ка след. Пойдем по нему потихоньку, поищем.

Марта вздохнула, а Черныш опустил лохматый нос к земле и, принюхиваясь, пробежал по кругу раз и другой.

— Петровны след есть, — доложил он. — А вот след знакомой коровы не могу взять. За день тут кто только не проходил, кто только не пробегал.

— И чего ходят, куда бегают? Сидели бы по дворам в тенечке, — высказалась Марта. — А то спуют целый день туда — сюда, сюда — туда.

В другое время козел Козел напомнил бы Марте, что и она частенько носится по улице, как ошалелая, но сейчас промолчал. А Люкс поучал молодого пса:

— Еще поищи, еще... От Петровниной калитки начни. А ты, козел Козел, беги на скотный двор, а то, неровен час, ворота закроют.

— Да ты что, Люкс. Я ведь и здесь подремать могу. Мне не привыкать, — даже обиделся козел. — Да и знакомая корова мне не чужая.

Наконец, когда совсем стемнело и загорелись звезды, из переулка донесся топот.

Навострив ухо, Черныш радостно сообщил, что идут все, кого они ждали, — и знакомая корова, и ее сынок, и хозяйка их Петровна.

— А Петровна даже хворостинку в руках держит, — разглядел козел. — Ну, я побежал, ребята, поздно уже...

— Пошли и мы, — предложил Люкс.

— А поговорить? — возмутилась Марта.

— Какие сейчас разговоры, — сказал Люкс. — Завтра, когда все узнаем, наговоримся...

— Где ты их встретила? — спросила бабушка у Петровны.

— Из лесу вышли. Это же надо куда забрели, — жаловалась Петровна. — А все телок. Вот я тебе задам, — погрозила она прутиком теленочку. — И молоко все высосал. Не пущу я тебя больше на зеленую травку.

Не знала Петровна, что зря она ругает теленочка. Вовсе и не он завел корову в лес, и не он выпил все молоко.

Как ворона летала на Круглое озеро

Старая ворона хорошо знала, где была знакомая корова...

В тот день, когда прибежал заяц Тишка, да так ничего и не рассказал, ворона отправилась сама к Круглому озеру.

Летела она над вершинами деревьев и то про себя, то громко на весь лес ругала Тишку: «Ишь, какой нежный! Слово ему не скажи! А что я такого сделала? Ну сказала: «Кошмар!», так не зря же... Каркнула, правда: «Марш отсюда!», а он сразу бежать. Мог и подождать, пока я успокоюсь...»

Так она летела, покаркивая и поругивая Тишку, пока не заметила впереди стаю незнакомых ворон. Они кружились над одним местом, камнем падали вниз, потом опять взлетали и, конечно, орало во все горло.

Еще нельзя было разобрать, о чем они там кричат, но старая ворона догадалась, что стая делит какую-то добычу.

«Ага, подруженьки, сейчас я вам устрою переполох!» подумала она и замахала крыльями.

Сразу подлетать к чужой стае ворона не стала. У поляны, над которой кричали и суетились вороны, она уселась на сухую вершину высокого тополя, отдышалась и осмотрелась. Отсюда сверху хорошо было видно, что стая нашла какое-то погибшее животное и теперь готовилась к пиру.

«Ну, милые мои, держитесь! — обрадовалась ворона. — Теперь и вы узнаете, какой у меня характер!»

Есть у ворон несколько важных сигналов. Ну, например, «Большой сбор!» По этому сигналу все вороны собираются лететь на промысел, когда ранней весной мелеют озера и на отмелях остается много уснувшей рыбы. Есть еще один приятный сигнал — «Добыча!» Это значит, что какая-то ворона нашла много еды. Одной ей не справиться, и она, хотя и жалко, приглашает подруг. Сигнал «Тревога!» — похуже. Услышав его, какой бы вкусной ни была добыча, надо отлетать куда-нибудь в сторону и ждать...

Но самый неприятный и самый страшный сигнал: «Спасайся кто может!!!» Состоит он из трех вороньих слов: «Кар-р-р», с тремя «р», еще «Кар-р-р-р», но уже с четырьмя «р», а потом просто: «К-а-а!» Но это «Каа» надо так выкрикнуть, чтобы у тех, кто его услышит, перья поднялись дыбом. И означает этот сигнал: «Беги, спасайся, уноси ноги, а то все — пропала твоя воронья головушка!»

Всем этим сигналам воронята учатся с самого малого возраста. Знают они и строгий закон: ни один из этих очень важных сигналов нельзя подавать зря. А кто нарушит закон, будет сурово наказан или даже изгнан из стаи.

Старая ворона за свою жизнь побывала уже во многих стаях. Из всех стай ее с позором прогоняли. И каждый раз за одно и то же: она нарочно подавала сигнал: «Спасайся кто может!!!»

Ворону за ее провинность клевали, щипали, колотили крыльями. В том месте, где она пролетала, спасаясь от разгневанной стаи, еще долго потом кружились пух и перья. Но даже отсидевшись где-нибудь в чаше и придя в себя, ворона ни разу не решала, что больше так делать не будет. Уж очень ей нравилось наблюдать, как после сигнала вороны бросаются кто куда. Одни, выпучив глаза, мчатся над самой землей, чуть не налетая на деревья, другие взмывают в небо и носятся там то в одну, то в другую сторону. Третьи с перепугу залетают так далеко, что потом лишь через день, а то и через два находят свою стаю.

Да, посмотреть есть на что!

Рано или поздно нарушительницу закона разоблачали. Но, несмотря на синяки, царапины и потерянные перья, ворона вновь ожидала случая, чтобы подать сигнал: «Спасайся кто может!!!»

Вот и сейчас, чуть передохнув, старая ворона во весь дух заорала: «Кар-р-р! Кар-р-р-р! Каа!!!»

Ох, что тут началось! Какой поднялся крик, какой переполох! И вслед за другими воронами, бросившимися врассыпную, припустила и наша. А то ведь кто-нибудь мог догадаться, что это она подала сигнал, и тогда быть беде.

Торопясь как можно скорее улететь подальше, старая ворона еще долго слышала за собой испуганные крики. Ее даже обогнали две молодые вороны. «Ну уж эти-то, конечно, заблудятся, и не то что за день, а и за три не разыщут своих», — с радостью подумала ворона-обманщица. Наконец она совсем выбилась из сил, выбрала сучок и опустилась на него.

Старая ворона любила садиться на сухие сучки. С них лучше видно, скорее заметишь опасность, да и тебя могут принять за сучок и не станут зря беспокоить.

Где-то здесь неподалеку находилось Круглое озеро. Осмотревшись, ворона увидела, что чуть в стороне поблескивает под низким вечерним солнцем вода. Отдохнув, старая ворона направилась к озеру.

Неподалеку от берега, на зеленой полянке, она сразу увидела зайца Тишку. Он скакал с места на место и лакомился своей любимой заячьей капусткой.

Надо было не спугнуть его и хорошенько расспросить. Ворона опустилась на кочку, потихоньку откашлялась и как можно ласковее произнесла: — Пр-ивет!

Вы, конечно, знаете, что голоса у ворон не самые приятные. Как ни старалась ворона говорить помягче и поласковее, заяц все равно, услышав вороний голос, подскочил. Тишка, конечно, тут же дал бы стрекача, да ворона его просто поразила.

— Как здоровье? — спросила она.

— Здоровье? — даже сел от удивления Тишка. — Чье здоровье?

Еле-еле сдержала старая ворона свой характер. Чуть-чуть не крикнула: «Кошмар-р!» Но ведь надо было узнать, что здесь случилось, и она сказала:

— Твое, разумеется. Я спрашиваю, как твое здоровье, заяц?

Никто никогда не интересовался Тишкиным здоровьем. Собаки на него лаяли, вороны каркали, сороки стрекотали. А тут вдруг та самая ворона, которая его недавно прогнала, спрашивает...

«Какое же у меня здоровье? — подумал Тишка. — Ноги не болят. Уши ветром не надуло. Насморка пока нет. Значит, хорошее». Так он и сказал вороне.

— Прекрасно, — сделала вид, что обрадовалась, ворона. — Береги себя, заяц, не болей, пожалуйста.

— Ладно, — пообещал Тишка.

— А теперь, скажи-ка мне, заяц, где этот твой большой, а совсем маленький?

— Ушастик-то? А вон там в кустах, — показал Тишка.

— Что он там делает? — с опаской спросила ворона и приготовилась в случае чего тут же взлететь.

— Лежит, — вздохнул Тишка. — Он же маленький, а мама у него потерялась.

— Так ты же говорил: «большой».

— Эта он ростом только большой, а на самом деле совсем маленький, — объяснил Тишка. — Он еще травку щипать не умеет... Да ты, тетка ворона, сама посмотри.

— Да уж посмотрю, — сказала ворона и перелетела к тем самым кустам, где притаился кто-то и большой, и маленький.

И там она увидела неуклюжего рыжего лосенка. Был он длинноногий и длинноухий. Недаром Тишка назвал его Ушастиком. А если бы он встал на свои тонкие ноги, то, конечно, был бы намного выше зайца.

— А ну-ка, заяц, притащи ему капустки! — приказала ворона.

— Я уже давал, а он не ест.

— Неси, неси, ишь какой жадина!

Тишка перепугался и кинулся на полянку. Он принес капустки, положил ее перед горбатым носом лосенка, но тот на нее даже не посмотрел.

«Плохо дело, — подумала ворона. — Однако сейчас я покормлю его чем-нибудь повкусней...» Она перелетела на берег озера, походила там у самой воды, нашла дохлого пескаря и притащила его лосенку. Но и дохлого пескаря Ушастик не стал есть.

«Кошмар, — произнесла про себя ворона, — ишь какой привередливый».

Пескаря она тут же склевала сама и отправилась пешком в заросли тальника. Там ей повезло — она поймала большую пушистую аппетитную гусеницу.

— На, — сказала она лосенку. — Уж если эта отличная гусеница тебе не понравится, тогда я просто не знаю, чем тебя кормить.

Однако и на гусеницу лосенок не обратил никакого внимания.

Он еще, наверное, и говорить не умел и только шевелил своими рыжими ушами.

«Пропадет, — решила ворона. — Ему же, дурачку, молока надо, а лосиха потерялась. Не над ней ли кружилась стая, которую я недавно напугала?..»

Эти мысли вороны прервал заяц Тишка.

— Не ест, — сказал он. — Молочка бы ему дать.

— Сама знаю, — рассердилась ворона. — Может быть, ты думаешь, что у меня есть собственная лосиха или корова?

И тут вороне пришла в голову интересная мысль. А точнее, это был даже план, как помочь беспомощному лосенку.

Солнце уже опускалось за лес. От озера потянуло прохладой. Ворона нахохлилась, ей захотелось в свое гнездо. Ведь она уже много лет была старой и любила тепло, а не прохладу. Да и план надо было хорошенько обдумать, и завтра же утром выполнить. А думается лучше всего дома в своем гнезде.

— Ну, я полетела, — сказала ворона зайцу. — Покеда!

— А как же Ушастик? — забеспокоился Тишка.

— Поможем, — пообещала ворона. — Только и ты прибегай к нам на опушку. Завтра чтобы чуть свет был!

На том они и расстались. А скоро и солнышко закатилось.

Путешествие воробья

«Дал слово — выполни!» — подумал рано утром воробей. Он вскочил, встряхнулся и выглянул из скворечника.

Перед самым рассветом прошел веселый дождь, и сейчас казалось, что и двор, и поленницу дров, и крылечко кто-то помыл.

У летней кухни бабушка кормила кур. Обычно это делала Галя, но недавно она уехала в лагерь отдыха. Отъезд ее запомнился всему двору. Галя на прощание насыпала курицам больше, чем всегда, зерна. Люкс получил миску вкусной похлебки, Черныш — очень хорошую кость. Не забыла Галя и воробья — и ему досталась горстка зерна.

Потом со стороны школы донесся звук горна. Ох, как он радостно созывал ребят! Так звал, что козе Марте, псу Чернышу и даже старому Люксу — всем захотелось в детский лагерь. И деду захотелось, потому что он вышел на крылечко и даже выпрямился, как солдат в строю. Но как известно, дедушек, а тем более коз, в лагерь не принимают... Поэтому к школе, где стоял автобус, поджидая малышей, ушли только Галя с бабушкой.

Тогда отправлялась в дальнюю дорогу Галя, а вот сегодня улетал в неведомые края воробей.

Бабушка, конечно, не знала об этом, а то она, может быть, насыпала бы для него отдельную кучку зерна. Насыпала бы, а курицам пригрозила пальцем: «Не трогайте — это воробышку!» Но и вместе с курицами можно было неплохо позавтракать. И воробей кинулся прямо под их длинные ноги.

Вдоволь наклевавшись, он вспорхнул на поленницу, почистил клюв и чирикнул:

— Ну, ребята, не поминайте лихом!

— Счастливого пути, воробей! — откликнулся Люкс.

— Городских собак не дразни, — посоветовал Черныш.

— А письмо! — мекнула с улицы Марта. Она только что вышла на зарядку, но, услышав разговор, остановилась.

— Письмо? — гавкнул Черныш. — Какое письмо?

— Я думаю, — объяснила Марта, — что нам следует отправить с воробьем письмо коту Егору. Так принято в хорошем обществе.

— Кто же его напишет, письмо-то? — уставился на Марту и даже приподнял от удивления ухо Черныш.

— Неужели ни один из нас не сможет написать письмо? — спросила Марта.

На этот вопрос козы никто не ответил. Куры сделали вид, что ищут жучков и червяков, и стали рыться в сырой после дождя земле. Люкс прикрыл глаза, будто он дремлет. Петух Петя, подскакивая, пытался поймать мотылька, залетевшего из огорода. Пес Черныш сердито смотрел на козу и думал: «Вот погонять бы тебя как следует, чтобы ты не спрашивала что попало! Жаль только, что нельзя, все-таки — соседка».

И тогда Марта сказала:

— А почему бы тебе, Черныш, не написать письмо? Ты ведь один раз был в школе и даже сидел у Андрюшки в парте.

— Мне?! — встряхнул лохматой головой пес. — Я бы, конечно, попробовал, но не знаю — получится у меня или нет. А вот прочитать могу. Все, что вы напишете...

И чтобы никто не сомневался в том, что он умеет отлично читать, Черныш пробежался по двору, что-то понюхал, пофыркал и стал рассказывать.

— Вот здесь Пеструшка ела червяка...

— Это я ей принес из огорода, — смущенно признался петух Петя.

— Верно, — подтвердил Черныш. — Бабка ругается, когда ты в огород бегаешь, поэтому ты пробираешься через дырку в ограде. Вот здесь у забора об этом написано.

Петух обиделся, что весь двор узнал его секрет, и отошел в сторону.

— А тут, — сообщил Черныш, — Люкс после дождя ходил. Подошел к калитке в огород, потоптался и назад пошел. Куда же он пошел? — продолжал читать Черныш все, что лапами

написали на сырой земле обитатели двора, и воскликнул: — В конуру пошел!

— Было такое, — подтвердил Люкс. — Мне показалось, что кто-то чужой по огороду ходит, а это Андрюшка редиску искал...

Коза Марта в этом месте рассказа грамотея Черныша вздрогнула. А вдруг он прочитает, что она как-то рано утром забиралась в бабкин огород...

— А вот здесь воробей завтракал, — продолжал читать следы Черныш. — Сначала под ногами у Хохлатки три зерна склюнул, потом у Пеструшки тоже три. А когда Петя за жуком погнался — вот здесь жук полз, — воробей на Петинем месте стал клевать.

— Скажите пожалуйста, — удивилась Марта. — А я и не представляла, что ты так хорошо читаешь! А кто у нас лучше всех пишет?

— Воробей! — объявил молодой пес. — Его лапки лучше других отпечатываются.

— Тогда воробей пусть и напишет письмо, — заявила Марта.

— А зачем ему писать, — заметил Люкс. — Он же сам летит.

Все с этим согласились и опять стали прощаться с путешественником и давать ему разные умные советы.

— А вы, ребята, поглядывайте, чтобы скворцы тут мой дом не заняли, — попросил, взлетая, воробей.

— Не беспокойся! — кукарекнул ему вслед Петя.

— Ме-ме-между прочим... — хотела что-то сказать коза, но воробей уже был далеко.

Знакомой дорогой, сначала над огородами, потом над переулком, дальше опять над огородами и садами, добрался воробей до сельмага. Здесь он отдохнул вместе с приятелями воробьями.

— Ну, молодец, не забываешь нас, навещаешь, — сказал ему старый воробей, тот самый, который однажды пил водицу из корытца.

— А я, братцы, в город направился! — объявил наш воробей.

— За покупками!.. — загалдели воробьи. — Пшена купить... Интересно, а почему там овес?

Но воробей их разочаровал, он сказал, что летит вовсе не за покупками.

— За че-чем же? За че-чем же?! — обступили его приятели.

— Кота проведать...

После этих слов воробья будто ветер прошумел возле сельмага. Услышав про кота, воробьи с глумом разлетелись в разные стороны. И даже наш не отстал от других. Вместе со старым воробьем он оказался на трубе сельмага.

— Ох, брат, ну, брат... — не мог никак отдышаться старый воробей. — Ну, ты, оказывается, шутник. «Кота проведать!» Ой, держите меня, а то я в трубу свалюсь!

«Шир! Шир! Шир!» — это другие воробьи слетелись на крышу и уселись вокруг трубы. Они чирикали, не слушая друг друга. Они орали так, как орут зимой, когда после морозов и метелей вдруг наступает оттепель. Но как они ни галдели, а когда путешественник подтвердил, что действительно направился в город, в гости к своему другу коту Егору, воробьи это услышали и вновь бросились — кого куда понесли крылышки.

Да, сразу вот так, без подготовки, упоминать кота в компании воробьев просто нельзя. Не переносят они такое слово, и путешественник это понял. Когда перепуганная стая опять слетелась, но уже на забор, он спросил у старого воробья, не знает ли тот дорогу в город.

— Везде я бывал, — признался старый воробей, — и на конюшне, и к тебе на пир прошлым летом летал, и даже, страшно подумать, в самый конец нашей улицы как-то залетел... а в городе не был. Поговаривают, что по этой вот дороге автобус в город бегаёт. Но точно я тебе не скажу. Темное это дело...

«А, где наша не пропадала! — решился воробей. — Тогда и я по той же дороге отправлюсь».

За сельмагом начинались совсем уже незнакомые места.

После одноэтажных домов, таких, какие стояли и на его улице, вдруг показались огромные — двухэтажные. «Вот это да! — обрадовался воробей. — Уж это, конечно, и есть город! Быстро добрался».

От радости у путешественника и сил прибавилось. Он долетел до первого большого дома, сел на балкон и увидел почти целый медовый пряник. Правда, этот пряник с краев кто-то обкусал, но подкрепиться еще было чем, и воробей принялся за работу.

Но не успел он клюнуть и с десятков раз, как от того же пряника начал отщипывать крошки неизвестно откуда взявшийся совершенно незнакомый воробей.

Тут уж непременно надо было драться!

Путешественник взъерошил перья и наскочил на соседа.

— Ты чи-чи-чиво! — чирикнул тот и толкнул нашего воробья.

— А ты чи-чи-во?!

Конечно же, на крик стали слетаться другие воробьи и принялись советовать:

— Дай ему, дай!

— Ишь какой, прилетел на наш балкон да еще и дерется! А два драчуна наскакивали друг на друга, и неизвестно, чем бы кончилось дело, да скрипнула балконная дверь, а из-за нее показался совсем еще маленький человечек. Он кое-как переступил порог и потянулся к прянику.

Все воробьи, и наш в том числе, вспорхнули с балкона и уселись на телеграфный столб. Они тут же забыли про драку и начали хвалиться друг перед другом, как ловко спаслись от неминуемой беды.

— Он ка-ак протянет руку, а я ка-ак взовьюсь вверх! — говорил один.

— А меня он чуть за хвост не схватил! — хвалился другой.

— А я, а я!.. А он, а он! — чирикали остальные.

— Парни! — перебил их воробей-путешественник. — А где здесь кот Егор живет?

Забыл он, что нельзя при воробьях произносить слово «кот». Услышав про этого страшного зверя, новые знакомые воробья тут же пустились наутек. Еле-еле наш путешественник догнал воробья, с которым дрался на балконе, и начал разговор по-другому:

— Скажи, пожалуйста, это уже город?

— Какой город? Никакой это не город! — ответил тот.

— А где же город?

— Че-че-чепуха! — воскликнул тот. — Никакого города нигде нет!

— Как нет? — даже испугался воробей.

— Так и нет. Придумали его, и все!

— А что же есть?

— Наши дома есть. За ними огороды есть. За огородами болото и кочки. Сколько ни лети — все болото и кочки. Да и чего туда лететь?

— А говорят... — начал, подлетев к ним, другой воробей.

— Мало ли что говорят. А ты там был?

— Не был, но ведь говорят же...

— Вот я тебе сейчас покажу, что говорят... Не будешь спорить!

И воробьи начали сердито скакать друг перед другом. Не дожидаясь, когда они окончательно подерутся, наш путешественник полетел дальше вдоль дороги. Он был уверен, что город где-то есть. Иначе куда бы ездила бабка?! Откуда бы приезжал кот Егор?! И куда, наконец, летит он сам?! Конечно, в город!

Тут и дома кончились, и начался луг. Шоссейная дорога тянулась через этот луг все дальше и дальше. Вдоль дороги кто-то наставил столбов, натянул от одного к другому провода. Может быть, ожидали, что воробей полетит в гости к городскому коту Егору именно здесь — вот и поставили столбы, чтобы было где ему отдохнуть. Так путешественник и летел — от столба к столбу, от столба к столбу. Сядет, посидит, отдохнет, какую-нибудь козявку склюнет — и дальше.

По шоссе проносились машины, даже автобус пробежал. Давно бы пора показаться городу, а его все не было. Надо бы спросить у кого-нибудь, далеко ли город. А у кого спросишь? Как только скрылись последние дома поселка, воробьи больше не встречались.

Сначала радовался этому путешественник: вот, мол, какой я отважный, вон куда залетел! Здесь, пожалуй, еще ни один воробей не бывал... А потом загрустил он и стал подумывать — не вернуться ли домой.

Другие птицы, правда, попадались, но все такие птицы, что с ними и не заговоришь. Высоко в

небе проплыли две цапли. Так высоко, что до них и не дочирикнешь. Потом повстречалась стая скворцов. Они обогнали воробья и уселись на черемуху неподалеку от шоссе. Расспрашивать у скворцов про дорогу воробей не стал. А вдруг они знают, что он уже второй год живет в чужом скворечнике!

Нет, лучше с ними не связываться. И воробей пропорхал мимо.

Подальше, там, где дорога пересекала березовую рощу, увидел он иволгу. Это была очень красивая птица. Вся золотисто-желтая, а крылья черные. В общем, такая красавица, что и заговаривать с ней было боязно. И воробей не стал бы с ней связываться, если бы не слышал однажды такой разговор...

Как-то иволга села на березу за бабкиным огородом, а Галя сказала брату Андрюшке:

— Андрюша, посмотри, к нам прилетел попугайчик!

— Сама ты попугайчик, — ответил Андрей. — Это иволга, и если хочешь знать, родственница нашему воробью, потому что она из отряда воробьиных.

Тогда воробей не поверил Андрюшке. А сейчас подумал: а вдруг и правда родственница. Подлетев поближе, он по-свойски спросил у иволги, не знает ли она дорогу в город.

— Фиу-ти-лиу! — ответила ему иволга.

— Че, че? — не понял воробей.

— Фиу-ти-лиу, — опять пропела желтая птица, а потом добавила: — Разве ты не знаешь, что я говорю только по-индийски. Я ведь прилетела к вам из Индии.

— А это дальше, чем город? — спросил воробей.

Но иволга уже взлетела, сверкнула в чаще берез своими золотыми перышками, и оттуда донесся ее голос:

— Спа-сибо! Спа-сибо!

Воробей не понял, за что благодарит его такая важная птица. Он обиделся на нее, но переживать не стал и полетел дальше искать город.

За березовой рощей шоссе пересекала неширокая речка. Через нее был построен мост. Здесь, под мостом, воробей решил напиться. Он опустился на песчаный берег, нашел возле самой речки маленькую лужицу и только начал пить, как услышал разговор:

— Миша, Миша, посмотри — домовый воробей!

— Придумала, откуда тут может взяться домовый воробей!

— А какой, а какой? Скажешь, луговой?

— Конечно, луговой!

Воробей пригляделся и увидел, что на другом берегу речки сидят мальчик и девочка и, как он правильно сообразил, спорят о нем.

— Миша, — продолжала девочка, — видишь, какой он большой, а луговые воробьи поменьше.

— Домовые воробьи должны жить в домах, — не соглашался Миша, — а где здесь дома?

— Все равно — домовый, видишь, у него черное пятно на горле и на грудке, а у луговых...

— Ну и что! — перебил Миша.

— У домовых темной скобочки нет на щеках. Как ты про это не знаешь, а еще юннат!

— Я юннат по жукам и бабочкам, — важно объяснил Миша.

— Вот видишь, а споришь! Значит, сдаешься?

— Ладно, сдаюсь.

«Наверно, все-таки я не домовый, — стал раздумывать воробей, — а скворечный. Потому что живу в скворечнике». Но тут издали, с той стороны, откуда текла речка, протрубил горн.

— Побежали! — соскочил юннат по жукам и бабочкам Миша. — А то на обед опоздаем.

— Подожди, я еще за воробьем понаблюдаю. Интересно мне, зачем домовый воробей к нам в лагерь залетел.

Но воробей не хотел, чтобы за ним наблюдали. Его ожидала дорога, и он взлетел на мост.

— Воробей, воробей, вы потеряли перышко. Вернитесь, пожалуйста! — кричала вслед ему девочка.

Но зачем воробью потерянное перышко. Назад в крыло или в хвост его никак не вставишь. И он уселся на перила моста и стал осматриваться. И в той стороне, куда побежали дети, он увидел разноцветные флаги, голубые дома, высокие качели и другие неизвестные сооружения.

«Конечно — это город», — решил воробей.

Через несколько минут он добрался до первого дома и уселся на крышу.

Внизу бегали, скакали, кричали мальчики и девочки. «Значит, в этом городе живут одни дети», — решил путешественник и начал приглядываться, не бродит ли где-нибудь неподалеку в поисках мышей кот Егор.

Кота на посыпанных песком дорожках он не заметил и перелетел к следующему дому. К нему со всех сторон строем шли и шли дети. Из дома доносилось позвякивание кастрюлек и чашек. Вот так же бабка на летней кухне стучала и звенела чашками, когда готовила еду. И воробей понял, что в городе наступил обед, поэтому и идут в этот дом все его жители. Тогда он перелетел на столб и стал ожидать, когда вместе с каким-нибудь строем прошагает на обед кот Егор. А может быть, городские коты ходят обедать своей колонной и вот-вот они покажутся.

Однако сколько воробей ни присматривался, видел только мальчишек и девчонок. Ни Егор, ни другие коты в дом не заходили.

«Ну, что же, — решил путешественник, — сегодня Егор наловил мышей, наелся и сейчас спит где-нибудь на солнышке. Поэтому он и обедать не пошел...»

Раз так, надо было его искать. И воробей полетел к следующему дому. Но ни у соседнего дома, ни у других Егора он не обнаружил. И вообще воробей не увидел ни одного кота. Собака, правда, в этом городе жила. Большая лохматая собака. Когда путешественник вернулся к столовой, она прыгала возле крыльца и с радостным визгом встречала выходящих мальчишек. А те почему-то называли ее каждый по-своему: кто Шариком, кто Трезоркой, а кто Дружком. И на все эти клички собака отзывалась.

«А вдруг и это не город», — загрустил воробей. И как тут было не грустить, прошла уже половина дня, а до города он не долетел.

— Миша, Миша! Смотри, еще один домовый воробей! — закричала та самая девочка, которая сидела с мальчиком у речки.

— Лучше бы ты показала майского жука, — равнодушно ответил Миша и побежал становиться в строй.

— Послушайте, воробышек, может быть, вам пригодится перышко? Я подобрала его у моста. Оно совсем новое, — сказала девочка.

Но воробья перышко не интересовало, и он полетел вдоль широкой, посыпанной песком дорожки.

Был бы рядом родной скворечник, воробей забрался бы в него и в тишине спокойно обдумал, как ему быть дальше. Но скворечник и двор с друзьями находились отсюда очень далеко, и посоветоваться здесь не с кем. Что же делать? Лететь дальше, но где этот город? Возвращаться назад? А что он скажет Люксу, Чернышу, петуху Пете, козе Марте, козлу Козлу?

Раздумывая так, воробей неожиданно увидел... Кого бы вы думали? Он увидел Галю! Да, Галя из своего двора. Она сидела на скамейке и болтала ногами.

Обрадованный воробей опустился совсем рядом, почти у ее ног, и принялся скакать, чтобы обратить на себя внимание. Но Галя, та самая Галя, которая дома часто угощала его пшеном, на этот раз воробья просто не узнала. И даже когда девочка-юннат, пробегая мимо со своим товарищем, крикнула: «Миша! А вот еще один домовый воробей!», — даже после этих слов Галя не обратила на воробья внимание.

Воробей очень обиделся, но тут же подумал, что во всем виновата девочка, которая назвала его домовым. А ведь он жил в скворечнике, значит, был не домовым, а скворечным воробьем. И воробей принялся чирикать: «Это же я! я!»

Но тут просигналил горн, и все дети побежали в корпуса. Скрылась за дверью и Галя. И когда путешественник уселся на форточку и заглянул внутрь дома, Галя уже лежала в постели — наступил час отдыха.

Теперь воробей догадался, что прилетел не в город, а в лагерь отдыха. Он же провожал Галю, когда она сюда уезжала.

Обида на Галю не проходила, и он сначала решил, что когда она вернется домой и будет угощать его зерном, он гордо отвернется и не станет есть. Но потом воробей передумал. «Ладно, — сказал он сам себе, — только чуть-чуть поклюю, и только самые лучшие зернышки».

Под скамейкой, на которой сидела Галя, после утреннего дождя земля еще не просохла. На ней хорошо отпечатались воробьиные следы. И он решил написать Гале письмо. Воробей

попрыгал туда-сюда по этой земле, ковырнул ее клювом. И получилось вот что: «Здесь был я — скворечный воробей. Скакал под скамейкой, а потом улетел!»

Теперь, если Галя сядет на эту скамейку поболтать ногами, то увидит его письмо. Прочитает и очень удивится, и, конечно, будет жалеть, что не узнала воробья из своего родного двора. А может быть, сюда забредет кот Егор и тоже прочитает письмо. Уж Егор-то поймет, зачем прилетал воробей...

Письмо написано — можно со спокойной совестью возвращаться домой. Наш путешественник чирикнул и отправился в обратный путь.

Тайна знакомой коровы

Ах, как хотели Люкс, Черныш, коза Марта и петух Петя узнать, почему так поздно вернулись с пастбища знакомая корова и ее сынок. Люкс и Черныш думали об этом ночью, когда, проснувшись от лая Пустобрешки, прислушивались не подкрадывается ли к курятнику разбойник хорек. Петух Петя вспомнил о корове перед рассветом, вспомнил и начал кукарекать. Марта любила поспать в своей сараюшке, но в эту ночь и ей не спалось. Козу одолевало любопытство: где же все-таки бродила ее соседка?

Но вот пришло утро, и корова, как будто вчера ничего не произошло, отправилась на луга. На этот раз она шла одна, без теленочка.

Люкс как всегда с ней поздоровался. Но странное дело, корова не остановилась. А ведь всегда она задерживалась у калитки, чтобы о чем-нибудь потолковать со старым псом. Сейчас же корова промычала: «Доброе утро!» — и направилась к переулку.

— Ме-между прочим, а где это ты вчера пропадала? — бросила ей вслед Марта.

Но знакомая корова или не расслышала вопроса, или сделала вид, что не слышит, и еще быстрее зашагала дальше.

— Куд-куда она так торопится? — удивился петух Петя. — Всегда на луга шла не спеша, а сегодня несется, будто она не корова, а коза.

— Позвольте, позвольте, — сразу обиделась Марта. — Я не понимаю, при чем тут коза? Разве это я вернулась вчера в глухую полночь?

Черныш тут же вмешался и разъяснил Марте, что петух имеет в виду не ее, Марту, а вообще козу. Это еще больше рассердило Марту.

— Удивляюсь, — заявила она, — почему, когда надо привести плохой пример, всегда называют козу.

Дело шло к большому спору, и мудрый Люкс решил перевести разговор на другое. Он как бы про себя проговорил, что, мол, интересно, долетел уже воробей до сельмага или не долетел.

Остальные тут же забыли про спор и начали гадать, где сейчас воробей. А Люкс, слушая приятелей, думал про знакомую корову. Он был очень удивлен, что она ничего ему не рассказала про вчерашний день. «Наверное, случилось что-то такое, о чем нельзя говорить при всех», — решил он.

А знакомая корова в это время уже вышла на Луковую поляну. Здесь она обычно начинала

пастись. Потихоньку пощипывая травку, она к полудню доходила до опушки и паслась до вечера.

Но сегодня корова не стала задерживаться на лугу. Она, на ходу хватая траву, сразу направилась к лесной опушке.

В лесу у знакомой коровы было очень важное и секретное дело...

И вчера корова почти не паслась на лугу. Только они с теленочком вышли на зеленое приволье, только он, взбрыкнув копытцами, начал носиться по траве-мураве, как к ней подлетела старая ворона.

— Пр-ривет, кума! — сказала она. — А у меня к тебе просьба.

— Му-у! — удивилась корова.

— Вот и хорошо, что ты согласна, — заторопилась ворона. — Летим скорее на опушку, там я тебе все расскажу.

Коровы, как известно, не летают. Поэтому к старому дубу она отправилась пешком. Ворона летела впереди и все время оглядывалась. Ей казалось, что корова и ее теленочек идут очень медленно, а надо было торопиться. Вот-вот на опушку должен был прискакать Тишка. А зайцы, как считала ворона, народ несерьезный — увидит, что вороны нет, и убежит назад в лес.

Но заяц Тишка был не такой. Если уж он давал слово, то непременно его выполнял.

Когда ворона опустилась на дуб, заяц как раз завтракал.

Неподалеку от дуба под осиною он нашел гриб подосиновик и с аппетитом грыз его шляпку.

— Привела! — сообщила ему ворона. — Вон они идут...

— Кто они? — испугался Тишка. — Собаки?!

— Какие собаки! — рассердилась ворона. — Вот я тебя как...

Ворона хотела сказать: «Как клюну!» — да вовремя остановилась. Она решила быть с зайцем ласковой, а то он удерет в лес и потом его до будущего лета не разыщешь.

— Да... Так что я тебе хотела сказать? — переменяла ворона разговор. — Про корову я тебе, заяц, хотела сказать. Корову я привела. Теперь ее надо уговорить, чтобы она пошла и напоила молочком этого твоего Ушастика-лосенка. Это, брат, я сама придумала...

Тишка обрадовался и помчался навстречу корове и теленочку. Он обежал вокруг них и поскакал к опушке. Заяц сразу понравился теленочку, он решил с ним поиграть и, задрвав хвостик, запрыгал следом. Так все они добрались до опушки и углубились в лес.

«Вот и хорошо, — подумала ворона, — не надо никому ничего объяснять, не надо корову уговаривать», — и тоже полетела в лес.

Несколько раз она хотела закаркать на Тишку, потому что скакал он не прямо к озеру, а огибал то болотце, то густые заросли. Но, поразмыслив, ворона решила, что заяц поступает правильно. В болоте корова и теленок могут завязнуть, через густой кустарник им не пройти. А Тишкина дорога, хоть и длинней, но верней.

Поняв это, ворона совсем загордилась. А гордиться, как она считала, ей было чем. Во-первых, в ее гнезде хранились несметные богатства: копейка, крючок, осколок стакана, пуговица и кусочек зеркала. Во-вторых, она походила на коршуна. В-третьих, была очень ловкой. Вчера, например, перепугала целую стаю чужих ворон, и ей за это ничего не было. И, наконец, последнее: ни заяц, ни корова, ни ее теленок не умели летать, а она умела!

«Ух, ты! Эх, ты!..» — замахала она крыльями и тут же ойкнула и чуть кубарем не свалилась вниз. Ворона совсем забыла, что ей очень много лет, что надо беречь себя. Где-то в спине у нее больно кольнуло, в правом крыле что-то скрипнуло, а левое заныло.

— Присяду-ка, полюбуюсь природой! — громко каркнула она и огляделась.

Произнесла ворона эти слова на всякий случай. А вдруг кто-нибудь видит ее. Так пусть не думает, что эта птица, похожая на коршуна, устала, что у нее заломило спину. Пусть считает, что она села полюбоваться окрестностями.

Вцепившись обеими лапами в ветку, ворона долго приходила в себя. Но вот боль в спине затихла, можно было лететь дальше, догонять зайца и корову. И тут она услышала, как неподалеку перекаркиваются две вороны.

— Ка-кажется, это все-таки она... — сказала одна.

— Едва ли, — возразила ей вторая. — Та ворона не стала бы вертеться возле нашей стаи. А эта, видишь, сидит спокойно.

Старая ворона догадалась, что речь идет о ней, и эти две вороны спорят, не она ли вчера подала сигнал. Теперь надо было спокойно и равнодушно пролететь мимо, чтобы у них не осталось никаких подозрений. И ворона не спеша, будто она совершает прогулку, проплыла над деревом, на котором сидели две вороны.

— Видишь, — сказала ей вслед вторая ворона. — Если бы она чувствовала вину, она шарханулась бы от нас, как глупая сорока шархается от пугала!

И они принялись смеяться над сороками, которые и каркать-то не умеют, а, смешно сказать, стрекочут, и перья-то у них лишь наполовину черные. Какие-то еще недостатки находили вороны у сорок, но старая ворона больше их не слушала. Некогда было.

Зайца Тишку, корову и ее теленочка она нагнала почти у самого Круглого озера. «Жив ли там лосенок?» — забеспокоилась ворона и полетела прямо к тем кустам, где вчера видела Ушастика.

Лосенок лежал с закрытыми глазами. Ворона села рядом. Покрутила головой, рассматривая его, но так и не поняла — дремлет он или уже не дышит.

— Спит! — сказал, подбежав, Тишка.

— А это мы сейчас проверим, — заявила ворона и громко каркнула прямо в ухо лосенку.

Лосенок вздрогнул и открыл глаза.

— Вот видишь, — обрадовался заяц.

— Да уж вижу, — отскочила в сторону ворона и объяснила подошедшей корове: — Мамку-

лосиху он потерял. Второй день ничего не ест.

— Я ему заячьей капустки давал, — сообщил Тишка, а он не берет!

— А я его ракушками и гусеницами угощала — не ест. Попоила бы ты его молочком, кума.

Корова подошла к лосенку, обнюхала его, повздыхала и смущенно сказала:

— Не могу! Запах у него не тот, надо, чтобы он моим теленочком пахнул...

— Кош-мар! — обиделась ворона. — Тут дитенок погибает, а тебе, кума, запах какой-то нужен. А ты не нюхай, а просто дай ему молока.

— Ахти, горюшко-то какое, — опять вздохнула корова. — Да я бы рада. Мне его, бедненького, тоже жалко, да не пойдет молочко. От него же лесом дремучим, дикими зверями пахнет.

— Лесом, зверями... — передразнила ворона. — Да говорят же тебе — не нюхай. Пропадет лосенок.

Может быть, и правда пропал бы Ушастик, да подскочил к нему теленочек. Он уставился на лосенка своими круглыми глазами, лизнул его. Отскочил в сторону. И, решив с лосенком поиграть, подпрыгнул к нему и легонько боднул.

Лосенка тоже потянуло к теленочку. Он зашевелился, оперся на передние ножки и стал подниматься.

— Гляди-ка, встал! — удивился заяц Тишка. — Вчера целый день лежал, сегодня лежал, а тут поднялся.

Лосенок стоял, расставив дрожащие ноги, а сынок знакомой коровы опять подскочил к нему, лизнул и потерся о него своим боком.

Корова нагнулась к лосенку, опять обнюхала его и обрадовалась. Теперь лосенок пахнул не только лесом и дикими зверями, но и ее теленочком.

Через несколько минут знакомая корова уже поила лосенка своим молочком. А вокруг них прыгали ее сынок и заяц Тишка.

— Пор-рядок! — каркнула ворона. — Теперь не пропадет. А у меня дел, дел... Надо лететь. Покеда!

И она полетела к своему гнезду, проверить, на месте ли припрятанные там драгоценности.

Когда лосенок напился молочка, он опять улегся под кустом набираться сил. Заяц Тишка отправился щипать свою капустку. А корова и теленочек стали тут же у озера пастись.

Под вечер корова еще раз дала молока лосенку, и только тогда они с теленочком отправились домой. Через лес, до самой опушки, их провожал Тишка. А когда они вышли к старому дубу, было уже совсем темно.

Вот почему в тот вечер так поздно вернулась домой знакомая корова.

И сегодня знакомая корова опять отправилась к далекому Круглому озеру. Там уже давно проголодался лосенок, и его надо было накормить. Конечно, рассказывать об этом ни кому не

следовало. Поэтому и прошла она так быстро мимо двора своих друзей. Ей было очень неудобно перед почтенным псом Люксом, но ничего не поделаешь — тайна есть тайна.

А теленочка в это утро Петровна на пастбище не пустила...

Весточка от кота Егора

Вечером весь двор встречал путешественника воробья. Конечно, в честь встречи полаяли, покукарекали и покудахтали. На радостях подняли такой шум, что даже дед прибежал из огорода. Думал — что-то случилось.

— Разыскал? — гавкнул Черныш.

— Ну как он там? — спросил петух Петя.

— Подождите, братцы, дайте подкрепиться, — попросил воробей и кинулся к завалинке, где курицы доклевывали зерно.

Закусив с дороги, путешественник перелетел на ведро с водой, напился и только тогда уселся на поленницу.

Еще возвращаясь домой, воробей решил, что не будет сразу огорчать друзей. Да и что хорошего, если он прилетит и тут же объявит: «А я до города не долетел...» Лучше он расскажет все по порядку: как летел, какие приключения с ним случались. А самое главное, друзья узнают, что путешествовал он все-таки не зря. В Галином лагере, под скамейкой, он написал письмо коту Егору!

Рассказывать воробей умел. Так другой раз расчирикается, что его и не остановишь. Правда, всегда он немножко привирал. Но от этого его рассказ становился еще интереснее. Вот и сейчас получилось, что не с одним воробьем он подрался из-за пряника на балконе, а с целой стаей. И от всей этой стаи летели пух и перья.

— Вот, вот, вот! — подтвердила курица Пеструшка и показала всем перышко, которое откуда-то залетело во двор.

Черныш подбежал к этому перышку, понюхал его и объявил:

— Воробьиное!

Ну кто после такого доказательства мог сомневаться, что от тех воробьев летели пух и перья.

А когда отважный путешественник вспомнил про свою встречу со скворцами, все просто поразились его мужеству и отваге.

— Они у меня спрашивают, — чирикал воробей, — «Это ты занял наш скворечник?» А я им отвечаю: «Я. Ну и что?» Тогда они как заорут: «Немедленно выселяйся!» Осмотрелся я, а их слетелось видимо-невидимо...

— Ну а ты, ты? — затряс от нетерпения лохматыми ушами Черныш.

Ох и хотелось ему быть в тот момент рядом с воробьем и погонять скворцов.

— А что мне оставалось делать, — продолжал воробей. — Я чирикнул, перья взъерошил. Ох и свирепым я становлюсь, когда перья взъерошу. Да, взъерошил и бросился на ихнего самого

главного скворца. Он, хоть и самый главный, а перепугался, кричит: «Ты чего, чего?!» А потом взлетел, крикнул: «Спасайтесь, он сумасшедший!» — и бежать. А за ним вся стая. Аж ветер поднялся!

— Дул ветер, дул, — подтвердил петух Петя.

И про детский лагерь, и про встречу с Галей рассказал воробей, ну и, конечно, про письмо.

— Молодец! — похвалил Черныш.

— Ко-ко-конечно, конечно, конечно! — поддержали куры. Но хорошее настроение всем тут же испортила коза Марта. Она заявила, что, по ее мнению, письмо не дойдет. Что там в лагере его ребятишки затопчут.

— Не затопчут, Галя не даст, — сказал Черныш.

Все стали спорить между собой — затопчут или не затопчут, и чуть было не прослушали, как бабушка кричит деду:

— Дед, а дед! Ты не видел мои очки?

— Зачем они тебе? — отозвался из огорода дед.

— Письмо из города пришло, вот зачем, — ответила бабушка.

— Вот видите, — обрадовался воробей, — уже и ответ на мое письмо пришел.

— А что я тебе говорил, Марта, — затыкал Черныш. Не затоптали письмо ребятишки.

Услышав про письмо, дед направился к дому.

— У меня твои очки, у меня, — говорил он. — Давай-ка письмо, я сам его прочитаю. У меня голос лучше.

Дед устроился на крылечке, вынул из конверта письмо и надел очки. Бабушка присела рядом, спрятала руки под фартук и приготовилась слушать.

Затихли и друзья Люкса, только молоденькие курицы все еще носились по двору и бормотали: «Затопчут, не затопчут». Они бы еще долго спорили, если бы Петя не навел порядок.

Сначала письмо было не очень интересное, только бабушка почему-то вытирала уголком платочка глаза. Внук ее писал, как они там в городе живут, да как ходили всей семьей в какой-то цирк. Потом он звал бабушку и деда приехать в гости.

Слушая письмо, Марта все порывалась замекать: «Слышите, слышите, а про Егора ни словечка нет!» Но тут в письме началось самое главное.

«Егор наш теперь сам ходит гулять на улицу, — сообщил внук. — А сегодня он как ушел с утра, так и бродил где-то целый день. А домой вернулся только поздно ночью...»

— Слышите! — гавкнул Черныш. — Это он бегал письмо читать.

Все переглянулись, только Марта опустила глаза.

«Мы уже думали, — продолжал читать дед, — что он убежал к вам в гости. Очень уж ему у вас понравилось...»

А в самом конце письма было сказано: «И кот Егор передает вам привет, а также Люксу, Чернышу, петушку Пете, его курицам, козе Марте, козлу Козлу, воробью и знакомой корове».

— Вот, — твякнул Черныш. — Слышишь, Марта? А ты сомневалась...

— Ме-жду прочим, — возразила коза, — я действительно сомневалась, но совсем немного. А потом сразу перестала.

Тут всех очень удивил петух Петя.

— Спать! — неожиданно скомандовал он своим курицам. — Марш все в курятник!

— Да ты что! Да ты что! — заспорили всегда послушные куры. — Еще солнышко не село.

— Спать, вам говорят! — забегал по двору петух.

— И правда, Петро, — сказал Люкс. — Что это ты так рано кур загоняешь?

Петя остановился и с обидой в голосе произнес:

— А тебе бы, Люкс, понравилось, если бы тебя кто-нибудь щенком назвал?

— Меня, щенком? — зарычал пес. — Да пусть бы кто попробовал...

— А меня в письме назвали петушком. А я разве петушок?! Я — петух!

— Петух, ты петух, — принялись все успокаивать Петю. — А про петушка дед, наверно, неправильно прочитал...

— Привет честной компании! — послышалось как раз в это время из-за калитки.

Там стоял козел Козел, и по тому, как он нетерпеливо переступал с копыта на копыто, как тряс рогами и бородой, все догадались, что он принес важную новость.

— Знакомая корова еще не возвращалась? — спросил козел.

— Нет, пока не проходила, — ответил Люкс.

Козел вздохнул, сказал, что и сегодня она поздно вернется, и, не ожидая расспросов, принялся рассказывать.

Оказывается, и в это утро корова не паслась на лугах. Издали, где козел Козел с дядькой пастухом сторожили стадо, он видел, как она чуть не бегом направилась через луг к лесу.

— Я и сегодня выбрал время и сбегал на опушку, — говорил козел Козел, — да только напрасно. Не было там знакомой коровы.

«Что это с нашей соседкой? — удивился Люкс. — Нет, неспроста она каждый день уходит». Подумал он это про себя, но никому ничего говорить не стал.

Тут мимо калитки, с хворостиной в руке, прошла Петровна.

— Ой, что-то будет, — сказала вслед ей Марта и добавила: — Я бы на месте Петровны привязала корову к колышку, уж тогда бы она не бегала.

— А вот и она идет! Идет знакомая корова, — обрадовал приятелей козел Козел.

Из переулка действительно вышла корова и чуть не бегом припустила навстречу своей хозяйке.

— А тебе, Люкс, обязательно надо с коровой поговорить. Нехорошо она себя ведет, ох, нехорошо, — заявила коза.

— Дело это непростое, — отозвался пес. — Мало ли по каким делам и куда она ходит. Придет время — сама скажет.

Уже совсем ночью, когда сладко спал в своем скворечнике путешественник воробей, когда угомонились в курятнике куры и перестал обижаться петух Петя, к бабушке пришла Петровна. Черныш как раз убежал провожать до скотного двора козла Козла, и только Люкс слышал, как Петровна жаловалась бабушке:

«Опять ведь моя коровушка пришла без молока. Вчера-то я решила, что это теленок все молоко высосал, и не пустила его утром на пастбище. А выходит, зря на него думала. И кто это мою коровушку на лугу доит, просто ума не приложу».

Бабушка что-то проговорила в ответ, а что — Люкс не расслышал, потому что залаяла Пустобрешка. А уж когда она примется брехать, сколько ни слушай, а кроме ее лая, ничего не услышишь.

Зато когда Пустобрешка наконец налаялась, а Петровна, попив с бабушкой чаю, засобиравшись домой, Люкс услышал, как она сказала:

— Ничего не поделаешь, не пуцу я завтра свою Зорюшку пастись. Пусть дома побудет.

Куда исчезла корова?

В поселке все еще спали, а в лесу уже начинался новый день. Свистнула в кустах птичка, ей ответила другая, кто-то невидимый в темноте зашуршал в траве. Два гриба — подосиновик и подберезовик — и вовсе не спали, всю ночь они старались расти, чтобы утром удивить зайца или мышку. Еще вчера на этом месте ничего не было, а сегодня полюбуйтесь — грибы!

Только старая ворона в это утро заспалась. Проснулась она, когда солнце уже взошло, куковала кукушка и постукивал на осине дятел.

— Э-хе-хе, — потянулась ворона. — Старость не радость, — и выбралась на край гнезда.

Под дубом ее уже ожидал заяц Тишка.

— Тетка ворона, а тетка ворона! — заверещал он. — Корова-то сегодня не пришла...

— Ка-ак! Как так не пришла? — удивилась ворона.

— Не пришла и все, — пискнул с пенька пожилой бурундук.

— А вы почему меня не разбудили?! — рассердилась ворона. — Тут спишь, стараешься, а они и разбудить не могут!

— Я им говорил, — показал Тишка на бурундуков. — Говорил, сбегайте в гнездо, разбудите тетку, а они забоялись.

— Чего же вы забоялись? — недовольно прокаркала ворона. — То разбегаются, расшумятся, хоть уши зажимай, а тут — забоялись!

— Так ты же теперь не ворона, а коршун, — подал голос маленький бурундучок и от страха юркнул под корень дуба.

— А... ну это конечно, — согласилась ворона.

За последние дни, полные хлопот и забот, она редко вспоминала, что походит на коршуна. Оказывается, бурундуки помнили, и это вороне понравилось.

Однако нужно было подумать и о деле.

У Круглого озера ждал молочка лосенок, а корова не пришла. Ворона взлетела на самую вершину дуба и осмотрелась.

В стороне у речки виднелось стадо, но знакомой коровы там не было. Не паслась она и на лугу у Луковой поляны. Что делать? Придется лететь на розыски.

— Ты, заяц, пока здесь погуляй, — сказала она Тишке, — а я слетаю в поселок.

— В поселок! — ужаснулся заяц. — Так ведь там же собаки и эти, как их?.. Охотники.

— Что мне собаки? Что охотники, когда я сама коршун! — воскликнула ворона и полетела в поселок.

В поселке она не была с тех пор, как из-за нее Черныш разбил зеркало. И сейчас вороне очень хотелось покружиться над двором, где жил молодой пес, лихо каркнуть, так чтобы закудахтали куры, залаяли собаки. Но сегодня было не до забав, ворона летела разыскивать корову.

Двор деда и бабки она облетела стороной и села на черемуху во дворе Петровны. Ей повезло. Корова стояла в тени под черемухой и жевала траву. Рядом топтался ее теленок.

— Кар-рова, а кар-рова, что же ты не пришла? — спросила ворона.

— Ты уж прости меня, воронушка, — ответила знакомая корова. — Хозяйка не пустила. Вон видишь, калитка закрыта.

— А как же лосенок? Отощает ведь лосенок.

— Право, не знаю, — ответила корова. — У меня у самой сердце разрывается.

— А ты, это... через ограду! — посоветовала ворона.

— Не смогу я через ограду, — печально вздохнула корова. — Вот если бы кто-нибудь калитку открыл...

И знакомая корова и старая ворона задумались. Корова вздыхала и жевала жвачку, ворона сидела нахохлившись. Долго они так молчали, и обе не знали, что делать.

— А кто умеет открывать калитку? — спросила вдруг ворона.

— Хозяйка моя, Петровна, умеет.

— А еще кто?

Корова подумала и, увидев на улице Андрюшку, сказала:

— Вон школьник Андрюшка идет, он умеет. Сообразительный мальчик.

— Так, та-ак, — задумчиво протянула ворона и вдруг сорвалась с черемухи и кинулась чуть не под ноги Андрюшке.

Андрюшка от удивления обмер, а ворона спокойненько заковыляла от его ног в сторону. Отойдя на безопасное расстояние, она обернулась и нахально уставилась на мальчишку... Андрюшка пригнулся и, вытянув руки вперед, осторожно переступил несколько раз за вороной. Она отскочила и заковыляла к Петровниной калитке. Андрейка, затаив дыхание, крался следом. И когда он подобрался уже к самой калитке, и когда хотел нагнуться и схватить странную птицу, ворона юркнула под калитку. И с той стороны, со двора Петровны, принялась разглядывать своего преследователя.

Что оставалось делать Андрею? Он потянул за веревочку, которая поднимала запор на калитке, калитка открылась, и Андрюша вошел во двор. Пока он крался за вороной по двору, знакомая корова спокойно вышла на улицу. За ней, конечно, увязался теленочек, и они направились к переулку. Только после этого ворона взлетела на черемуху, а потом, перелетев через огород, все-таки спикировала на отдохавшего возле конуры Черныша, припугнула петуха Петю и отправилась догонять корову. Вслед ей неслись лай и кукареканье.

Петровна в это время полола картошку в огороде и ничего не видела. Когда она через часок вернулась во двор — ни коровы, ни теленочка уже не было. И самое странное, калитка была закрыта на щеколду. Андрюшка, хотя и был огорчен тем, что не поймал ворону, уходя со двора, калитку все-таки аккуратно закрыл и пошел к своему другу Кольке рассказывать, как чуть не поймал ворону.

Из-за нахальной вороны, которая кружилась и каркала над их двором, ни Черныш, ни Люкс, ни петух Петя — никто не заметил, когда мимо них прошла знакомая корова.

Петровна побегала по двору, заглянула в стайку, где жила корова, в огород выскочила — но нигде ни коровы, ни ее теленочка не было. Петровна даже в избу забежала, но тут же махнула рукой и сказала:

— Что это я! Никогда моя коровушка в дом не заходила!

После этого Петровна заспешила к деду и бабке. Дед и бабушка тоже пололи картошку. Еще со двора Петровна стала кричать им, рассказывать о происшествии. Дед не верил, говорил Петровне, чтобы она припомнила, может быть, сама оставила калитку открытой.

— Что ты, что ты, сосед, — замахала руками Петровна. — Хорошо помню, как закрывала. Да ведь и потом, когда Зореньки моей не стало, калитка была закрыта.

— Не расстраивайся, — утешала бабушка. — Найдется корова.

Весь этот разговор слышали обитатели двора и, конечно, любопытная коза Марта. Она сразу заявила:

— Через забор наша скромница перемахнула. Возражать ей не стали — не до этого было, а сразу решили идти на поиски коровы и теленочка.

Люкс и Черныш тут же выбежали за калитку. Петух Петя перелетел через забор, а на улице их уже ожидала Марта.

— Ну что, парни, пошли! — позвал петух Петя.

— Пошли, — откликнулись остальные, и все направились по тротуару.

Вдруг Петя остановился и спросил у Марты:

— Послушай, Марта, а ты куда?

— Ме-жду прочим, я с вами, — удивилась коза. — А что?

— Как что? — рассердился петух. — Ты разве не слышала, как я сказал: «Пошли, парни». А ты разве парень?

Коза Марта даже мекнуть не смогла от возмущения. Но задержка эта обернулась не против нее, а против петуха Пети. Андрюшка, который возвращался домой от своего приятеля Кольки, увидел петуха на улице, далеко от дома, и закричал на него:

— Кыш, кыш! Ты это куда направился? — и загнал Петю во двор.

Петух возмущенно квохтал, потом потихоньку все-таки выбрался на улицу. Но Люкса, Черныша и Марты уже не было видно. Так они ушли на поиски знакомой коровы без петуха Пети.

А самого Андрюшку уже поджидали во дворе бабушка и хозяйка знакомой коровы Петровна.

— Андрюшенька, — заговорила Петровна, — помоги, сынок... — и рассказала про то, как странно и непонятно, через закрытую калитку исчезла корова.

Андрею что, Андрею побегать по лугам и по лесу одно удовольствие. Он сразу согласился поискать корову, тем более что понял, как и по чьей вине она выбралась со двора. Андрей свистнул на всю улицу, вызвал Кольку, и они тут же направились на луга.

— Успокойся, Петровна, не переживай, — утешала бабушка. — Андрюша у нас проворный, найдет твою корову.

— Да уж нашел бы, — вздыхала Петровна. — Я вот немножко у вас на крылечке посижу, ноги отойдут, а то прямо отнялись от горя. Отдохну и тоже пойду за переулок — посмотрю.

Как ворона завела собственных собак

Пес Черныш еще в переулке нашел след знакомой коровы, радостно гавкнул и, принюхиваясь, вывел Люкса и Марту на Луковую поляну.

«Вот где благодать-то! — удивилась Марта. — И чего это я пасусь на своей улице? Много ли там травки найдешь у заборов... А здесь, где ни нагнись, трава сама в рот просится».

Она совсем не думала отставать от старого и молодого пса, но уж так получилось. Поначалу она стала замедлять шаг, когда видела особенно сочные стебельки и листья. Потом, чуть в стороне, коза разглядела такую аппетитную траву, что не удержалась — побежала туда. А еще

чуть подальше трава показалась ей совсем чудесной и пропустить ее, не общипать она просто не могла.

Черныш, взяв след, бежал и бежал вперед. За ним, не отставая, трусил Люкс.

Андрюшка с Колькой увидели собак, как только вышли из переулка. Черныш и Люкс бежали уже за Луковой поляной. Андрюшка решил взять псов с собой и начал свистеть.

Конечно, чуткий Черныш услышал свист, и как ни торопился — пришлось остановиться. Это ведь звал молодой хозяин! Мальчишки догнали собак. Андрей приказал Чернышу: «Ищи!» А чего было искать — Черныш и так шел по следу. И теперь они, уже вчетвером, направились к дубу на лесной опушке.

Давно Люкс не выходил за переулок, давно не бегал по лугам. А когда-то он знал тут каждую тропинку, каждое гнездо жаворонка под кочкой. От приятных воспоминаний у старого пса прибавилось сил. И он бежал, ловя запахи то мышиной норки, то цапли, которая недавно топталась в стороне у подсыхающей лужи, а сейчас улетела на болото считать лягушек. След коровы и теленочка он тоже чуял, но Черныш держал его надежно, и старый пес не мешал молодому.

С тех пор как старая ворона объявила себя коршуном, молоденький бурундучок боялся бегать на вершину дуба. Но сегодня вороны дома не было. Она летала сначала в поселок, пригнала оттуда свою собственную корову и увела ее зачем-то в лес. Теперь ворона вернется не скоро, и бурундуки носились сверху вниз по стволу дерева.

Про то, что корова, которая любила пастись у их дуба, принадлежит теперь тетке вороне, бурундуки догадались сами. Ведь ворона встречает корову на лугу, летает за ней в поселок, гоняет ее в лес. И сейчас, бегая по дереву и посвистывая, бурундуки говорили как раз об этом. И вдруг с ветки у вороньего гнезда молоденький бурундучок сразу и услышал, и унюхал... собак! В ту же минуту он заметил, что к дубу приближаются два лохматых чудовища — две собаки, а за ними торопливо шагают люди.

Перепугавшись, бурундучок хотел тут же забиться в дупло, но вспомнил про пожилого бурундука и в ужасе пискнул: — Дед! Спасайся, дед! Собаки ведут к нам охотников!

Ровно через две с половиной секунды пожилой бурундук спрятался в своем дупле, а молоденький, поборов страх, забрался на самую вершину дуба. Конечно, ему было ужасно жутко, но в то же время очень хотелось посмотреть, зачем сюда пришли и собаки, и люди.

Черныш тоже почуял запах бурундуков и, гавкнув, предложил Люксу их погонять.

— Некогда, — откликнулся старый пес. — Дело у нас.

— Ну я хоть немножко полаю?!

— Ладно, — разрешил Люкс, — только недолго.

И Черныш, задрав голову вверх, залился веселым лаем.

От восторга и от ужаса, что на него лает настоящая, ужасно свирепая собака, бурундучок прыгнул на другую ветку и стал оттуда наблюдать за Чернышом. Но собачий долг позвал молодого пса вперед, дальше по следу знакомой коровы. Сначала дело, а забавы потом — учил его не раз мудрый пес Люкс. И Черныш, оставив бурундучка, побежал в чащу леса.

— Смотри, Андрюшка, коровий след! — воскликнул Колька, когда они углубились в лес.

— Ну, — ответил своим любимым словом Андрей. — А вот и след теленка. Молодец, Черныш, ищи, ищи!

Чернышу была приятна похвала молодого хозяина, и он помахал ему хвостом: не волнуйся, мол, не подведу!

Так они шли и шли по коровьему следу. Огибал он болотце или густой кустарник, и мальчишки с собаками обходили их. Тянулся след прямо, и они двигались прямо.

— Да куда же она забралась, — ворчал Андрей.

— Вот непутевая, — поддерживал друга Колька. — А что если там волки! — вдруг остановился он, вглядываясь в заросли.

— Чудак, — засмеялся Андрюшка, — что она, по-твоему, в гости к волкам каждый день бегает!

— Не должна... — согласился верный друг Колька.

...А на поляне возле Круглого озера корова уже кормила лосенка. Заяц дремал в кустах, а старая ворона сидела на дереве, на страже. Вдруг она услышала голоса мальчишек, разглядела собак и громко закаркала, подавая свой вороний сигнал: «Тревога!» Заяц Тишка тут же вскочил и помчался что есть духу за озеро в густой лес.

Сделал он это вовремя. Через какую-то минуту на поляну выбежали собаки, а за ними показались Андрюшка с Колькой.

Черныш остановился принюхиваясь. Он уже почуял незнакомый запах лосенка и хотел зарычать. Хорошо, что Ушастика увидел и Андрюшка. Он крикнул на Черныша: «Цыц!» и шепнул Кольке:

— Смотри, олененок!..

— Где? Где? — подался вперед Колька.

— Да вон, сосет корову.

— Побежали, отгоним, — предложил Колька.

Но Андрюшка уже догадался, что корова не зря несколько дней подряд уходила из дому и допоздна пропадала в лесу.

— Наверно, он мамку потерял, — сказал Андрей.

— Что будем делать? — спросил Колька.

— Подождем, пока олененок напьется, и погоним их всех домой, — решил Андрей.

Так они и сделали. Когда Ушастик напился коровьего молочка, мальчишки выломали хворостинки и погнались потихоньку корову, ее теленочка и лосенка в поселок.

По дороге домой мальчишки спорили, кого это такого они гонят, лосенка или изюбренка. А потом, глядя на его уши, решили звать олененка Ушастиком. И правильно решили, потому что

и заяц Тишка, и старая ворона уже давно его так называли.

Лосенок за последние дни окреп, и хотя не быстро, но зато сам шагал за коровой и теленочком.

Над ними все время летала старая ворона. Она то обгоняла процессию, то поджидала ее на дереве, а потом опять летела вперед, изредка покаркивая.

— Кар, кар! Красота!

Местные сороки видели это и тут же разнесли по лесу новость. И скоро все окрестные зверюшки и птицы знали, что старая ворона совсем разбогатела. Мало того, что у нее завелась собственная корова, так теперь она где-то достала лосенка и двух собак.

— У вороны корова, — стрекотали сороки, — у вороны собственный лосенок и две собаки!..

— Дед, а дед, — сказал молоденький бурундучок пожилому бурундуку, когда услышал от сорок удивительную новость. — Так то прибежали Воронины собаки! Вот почему они меня не съели!

Пожилой бурундук с ним согласился.

Тут на опушку вывалилась вся толпа: корова, теленок, лосенок, Люкс, Черныш, Колька и Андрей, а в свое гнездо опустилась усталая ворона.

— Тетка, — тут же спросил ее молоденький бурундучок, — а правда, что это твои собаки?

— Мои, мои, — заверила его ворона.

— А зачем они тебе, тетка?

— Как зачем? Лаять - вот зачем, — непонятно ответила ворона.

На лугу к шествию присоединился козел Козел.

— Привет, Люкс, привет, Черныш, поклон, кума! — поприветствовал он псов и корову. — Где это вы такого ушастого разыскали?

— Соседка корова его нашла. От беды спасла, — ответил Люкс. — Наверно, лосиха-то, мать лосенка, погибла...

— Да, видно, так, — подтвердила знакомая корова. — Теперь я его вместе со своим ненаглядным сыночком воспитывать буду.

— Я, однако, провожу вас до дому, — предложил козел Козел. — Дядька пастух простит. Работаем мы без выходных. Не часто я со своей службы убегаю, могу и отгул взять...

— Да уж проводи, проводи, — согласилась корова. На Луковой поляне друзей встретила коза Марта.

— А я тут от вас отстала, — начала она оправдываться, косясь на лосенка. — Травку пощипала, глядь-поглядь, а вас и след простыл.

— Ничего, — успокоил ее добродушный Люкс, — видишь, все обошлось...

— И хорошо, и отлично, — затрясла головой Марта. — А это кто такой с вами длинноногий?

— Сынок мой приемный, лосенок, — объяснила знакомая корова. — Как он тебе нравится, Марта?

— Ничего, ничего, — затопала рядом с коровой Марта. — Ушки бы только поострей, как у меня, ножки бы покороче, в рожки бы ему.

— Я вижу, Марта, ты хочешь, чтобы он на нас, козлов, походил, а это ведь не козел, а лосенок, — сказал козел Козел. — А рога у него вырастут, да такие рожищи будут, что ты ахнешь!

У самого переулка свою коровушку и теленка встретили Петровна. Она уже не первый раз за этот день выходила сюда посмотреть, не гонит ли Андрюша ее ведерницу. С утра Петровна собиралась как следует отругать корову, но теперь, увидев, что и корова, и ее теленочек целы, подобрела.

— Ой, спасибо тебе, Андрюшенька, ой, спасибо! — запричитала она. — И тебе, Коля, спасибо.

И вдруг Петровна увидела лосенка.

— Батюшки, да это кто же такой будет?! — воскликнула она.

— Ушастик, — ответил Андрей.

— Олененок беспризорный, — добавил Колька.

И мальчишки начали рассказывать Петровне, что они увидели на берегу озера.

— Так вот куда моя коровушка ходила! Так вот кто у нее молочко выпивал! — удивилась Петровна.

— Вы, тетенька, если не хотите с олененком возиться, то мы с Колькой его возьмем. Вырастет, а потом в лес отпустим, — сказал Андрей.

— Что ты, что ты, Андрюшенька, — ответила Петровна. — У вас и молочка нет. А мы с коровушкой как-нибудь его воспитаем. Есть у нас теленочек, будет и олененочек.

Прошло уже много дней, как бабушка получила письмо от своего городского внука. Давно надо бы написать ответ, да все некогда. То с дедом картошку пололи, то у Петровны корова терялась, а потом объявилась вместе с лосенком. Вчера совсем устроилась бабушка писать: стол вытерла, газету постелила, тетрадку приготовила, деда за конвертом на почту послала. А тут Галя из лагеря вернулась. На радостях бабушка и про письмо забыла.

Галя, как приехала, Люкса погладила, с Чернышом поиграла. Потом обежала огород, редиску сорвала, в сад заглянула узнать — скоро ли вишни поспеют. В доме пол подмела и помыла. И все рассказывала, рассказывала, как ей в лагере жилось.

Тут подошло время кур кормить. Насыпала им Галя зерна, сбежались куры, петух Петя вокруг них похаживает, а воробей не летит, будто и не видит корма. Ну, если бы он где-нибудь был, тогда понятно, а то сидит воробей на скворечнике, прихорашивается, а вниз спорхнуть не хочет.

— Что это, бабушка, воробей наш совсем одичал? Не летит обедать... — спросила Галя.

— Да прилетит, — ответила бабушка, — отвык он от тебя.

А воробей вовсе не отвык и не одичал. Просто обижался на Галю за то, что она не узнала его, когда он прилетал в лагерь. Две минуты обижался воробей, пять минут обижался, а на шестой минуте увидел, что курицы зерно доклевывают, забыл про обиду, и фыр! — слетел со скворечника на землю.

А вот сегодня у бабушки выдался свободный день. На кухне помощница Галя управлялась, можно было и написать письмо. Раскрыла бабушка тетрадку и задумалась, а Галя напевала песенку про знакомую корову и ее теленочка:

Чок, чок, чок, чок —
Убежал на луг бычок.
Головою крутит Зорька:
— Му-у! Куда девался Борька?
Мы видали, но молчок —
Пусть побегает бычок.

Вот, оказывается, какое красивое имя было у Петровниной коровы — Зорька ее звали. А мы с вами не знали. Да что говорить про нас, если не знал и Люкс со своими друзьями. Для них она была просто знакомая корова.

А теленочка Петровна только вчера назвала Борькой. Тоже неплохое имя. Одна коза Марта, как всегда, осталась недовольной.

Но, как известно, всем не угодишь...

Думала, думала бабушка, а потом принялась не спеша писать.

Рассказала она внукам все домашние новости.

Длинное получилось письмо, а заканчивала его бабушка так:

«Приезжайте в гости — все сами увидите. Вишни у нас спеть начали. С Андреем на рыбалку ходите. Ушастика и Борьку попасете. И кота Егора с собой захватите. Пусть, как в прошлом году, у нас с дедом погостит. Можете даже папу и маму с собой взять. Приезжайте!..»

А что, может быть, и приедут. Лето большое, до осени еще далеко.